

НАЙДИ
МЕНЯ КИРА
МОН
СРЕДИ

Шторма

18+

Кира Мон

Найди меня среди шторма

Серия «Там, где сбываются мечты.

Романтическая трилогия», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63755981

Найди меня среди шторма: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-112666-7

Аннотация

Нежно-сиреневое небо, океан до линии горизонта и яркие звезды – Айрин не представляет своей жизни где-то еще. Баланс и спокойствие нарушают лишь ежедневные ссоры с матерью и периодически возникающее чувство одиночества. Однако когда среди постояльцев отеля появляется Джош, звезда телеэкрана с темно-синими глазами, все переворачивается с ног на голову. Способен ли этот сногшибательный парень на какие-либо чувства или вся его жизнь – сплошное шоу? И готова ли Айрин рискнуть, чтобы быть с тем, кто до сих пор не разобрался со своими внутренними демонами?

Содержание

1	5
2	26
3	53
4	78
5	98
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Кира Мон

Найди меня среди шторма

Йенсу

Моему мужу, моему другу, моему спутнику

777

Kira Mohn

FIND ME IN THE STORM

Original Title: Kira Mohn: Find me in the Storm

Copyright © 2020 by Rowohlt Verlag GmbH, Hamburg

© Офицерова И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

– Хватит диктовать мне, что делать, а что не делать! Ты, похоже, вообще забыла, с кем разговариваешь!

Последнее, что я вижу, перед тем как мама захлопывает дверь перед моим носом, – это ее мечущие искры глаза. На секунду грохот эхом прокатывается по всему дому, из-за чего разом затихают звуки в остальных трех комнатах на втором этаже. В первый момент я поднимаю руку, чтобы снова к ней постучаться, но в итоге разочарованно выдыхаю.

Ах, мам. Не может же действительно и дальше так продолжаться.

Со вздохом отворачиваюсь от двери в мамину комнату, чтобы спуститься на кухню, где горы невымытой посуды. Надо выгрузить все из посудомоечной машины и загрузить ее заново. Покупки, которые я принесла сегодня после обеда, по большей части так и лежат нераспакованными в пакетах, а четыре стола, стоящих перед длинным окном в столовой, необходимо подготовить к завтраку на следующее утро. Не говоря уже о том, что нужно срочно помыть лестницу. Это я решаю по пути вниз. Займусь ей, когда буду мыть полы на кухне и в прихожей. Потом. Где-нибудь часов в десять, например. Сейчас без четверти шесть, и прежде всего я должна позвонить в прачечную и поинтересоваться, где застряли чистые простыни, которые мне обещали вернуть еще вчера.

Я целый день собиралась это сделать, но постоянно что-нибудь отвлекало. Чертова стирка – единственное, что выполняют другие люди, и либо скоро я опять начну стирать сама, либо Чарли научится присылать белье ровно в оговоренный срок.

При мысли о безостановочно работающей посудомоечной машине во мне загорается отчаянная надежда, что Чарли все-таки образумится. Две девушки-француженки, которые идут по тропе Керри-Уэй и остановились у меня на четыре дня, завтра отправляются дальше. В субботу надо перестелить постели и в двух других комнатах, а у меня остался только один комплект белья – и тот, гарантирую, заберет себе мама. Ей, в отличие от постояльцев, никто не запретит сходить в кладовку возле кухни и взять его оттуда самостоятельно.

Уставившись на посудомоечную машину, массирую лоб. Что я планировала делать дальше? Выгрузить из нее посуду?

И когда уже открываю рот, меня осеняет: нет, блин, я хотела позвонить Чарли! Прежде чем после шести он включит автоответчик.

Десять минут спустя Чарли заверяет, что первым делом завтра рано утром пришлет ко мне своего сына Эйдана. И сотню раз извиняется за то, что его рассеянный отпрыск снова про меня забыл. Ничего удивительного, видимо, все извилины в мозге Эйдана заняты разработкой планов, как бы заговорить с Шивон, что происходит всякий раз, когда он

бродит между стеллажей у нее в магазине. От самой Шивон знаю, что парень, по ее мнению, очень даже ничего, и завязыванию знакомства существенно мешает лишь то, что он не может из себя выдать ни слова.

Часть стаканов из посудомоечной машины отношу сразу в столовую, чтобы расставить на столах. И раз уж я тут, задерживаю шторы и на скорую руку провожу перекинутым через плечо полотенцем по широкому подоконнику, оставляя себе мысленную пометку, что стоящие на нем растения нужно немедленно полить.

Весь этот список дел, которые должны быть выполнены, прежде чем я наконец-то смогу рухнуть на кровать у себя в мансарде, очень кстати отвлекает меня от спора с матерью.

Сейчас она ненавидит свою комнату.

Окно выходит не в сад, а на улицу, матрас чересчур мягкий для ее спины. О толстый коврик, который изначально лежал на деревянном полу перед кроватью, она постоянно спотыкалась, поэтому пару дней назад я все-таки его оттуда убрала. Но теперь пол кажется ей слишком холодным, и она требует ковер, похожий на тот, к которому привыкла в своей старой спальне. Я пообещала достать ей такой же, просто руки еще не дошли. Однако никаких иллюзий по этому поводу я не питаю: даже новый коврик не примирит маму с тем, что она снова здесь, в Каслданнсе. То, что мы со старшей сестрой Сюзанной сломали стену в ее бывшей комнате и переделали ту в просторную ванную, и то, что сейчас все уже не как

прежде, лишь усложняет ситуацию.

Похоже, с тех пор как несколько недель назад мама ни с того ни с сего приехала обратно в «Морские ветры», ее единственной задачей стало доводить меня до безумия.

После того как отец ее бросил – после того как он нас бросил, – мама решила, что хватит с нее и этой гостиницы, и Каслданнса. Сюзанна и ее парень Каллан пустили родительницу к себе, и поначалу она планировала никогда не возвращаться. И, наверное, не вернулась бы, если бы недавно Каллан буквально не выставил ее за дверь. И теперь я осознаю, почему у меня никогда не получалось тепло относиться к парню сестры, да и поведение Сюзанны в этом вопросе мне не до конца понятно.

– Айрин! – раздается сверху громкий мамин голос.

Боже ты мой! Ну что ей на этот раз-то понадобилось? Я только начала запихивать в посудомойку грязные тарелки. И почему, ради всего святого, ей обязательно нужно орать на весь дом? Раздраженная, снова ставлю горшочек, который держала в руках, на столешницу.

– Айрин!

– Да иду, блин. – Перепрыгиваю через ступеньку, чтобы предотвратить третий окрик, и распахиваю дверь в ее комнату. – Что такое?

– Можешь, пожалуйста, налить в кувшин воды?

Она уже улеглась в постель, натянув одеяло почти до подбородка, хотя еще нет и семи.

– Знаешь, ты и сама могла бы это сделать, – произношу я так мягко, как только способна. – Ванная прямо напротив.

– Я что, слишком много прошу – наполнить кувшин? О малейшем одолжении мне нужно умолять? Тебе же прекрасно известно, как мне тяжело подниматься с этих мягких матрасов, но хорошо, если у тебя есть дела поважнее... – Резким движением руки она откидывает одеяло в сторону, медленно садится и начинает вставать с кровати. Это не выглядит сколько-нибудь трудным, но озвучивать подобную мысль я не рискую.

– Ладно, забудь. – Хватаю кувшин, стоящий вместе со стаканом на тумбочке. Мама бы продолжила причитать, пока не налила бы в него воды в ванной и не вернулась обратно в свою комнату, причем ей было бы совершенно не важно, что это услышат гости за тремя другими дверьми, выходящими в коридор. – Только, прошу тебя, не ори на весь дом, когда тебе что-нибудь надо. Если тебе так сложно встать, просто позвони мне.

– Я должна тебе звонить, хотя ты на кухне внизу?

– Либо так, либо спускайся сама.

– Я не буду звонить в своем собственном доме своей собственной дочери только из-за того, что хочу пить!

Она все еще сидит на краю кровати, ступни в толстых шерстяных носках касаются пола, и мне видно бледную кожу ее ног под ночной рубашкой.

– Послушай, – максимально сдержанно объясняю я, – ты

плохо себя чувствуешь, я знаю, но у всего есть предел. У тебя три варианта: или подходи ко мне, или звони, или же подожди, пока я загляну, и тогда скажешь, что тебе нужно. – С кувшином в руке иду к двери. – А на самом деле у тебя целых четыре варианта, так как время от времени, думаю, ты способна кое-что делать сама.

В ванной я открываю воду и не сразу подставляю кувшин, чтобы она оказалась по-настоящему холодной и у мамы не появился новый повод для жалоб. Господи, моей матери еще нет и шестидесяти, а она ведет себя то как прикованная к постели старушка, то как капризный маленький ребенок. Я ее люблю, правда люблю и понимаю, что она обижена и расстроена, но, черт побери, зачем все время срываться на мне? Без понятия, на сколько меня хватит, поэтому ситуация должна измениться. Должна! Вот только как?

Когда появляюсь в комнате, мама уже снова накрылась одеялом и даже не смотрит на меня, пока я ставлю на тумбочку кувшин.

И только в тот момент, как я практически дохожу до двери, мне в спину звучит ее голос:

– Можешь, пожалуйста, еще налить мне стакан воды?

Стиснув зубы, вновь пересекаю комнату и выполняю просьбу.

– Спокойной ночи, – говорю, прежде чем повернуться и уйти. Мама не отвечает, но ничего другого я и не ожидаю. Раскинувшись на кровати, она просто пялится в потолок.

Для меня загадка, как ей удается засыпать в комнате, залитой дневным светом. А может, она этого и не делает. Вероятно, просто лежит, не двигаясь, несколько часов подряд и размышляет о том, как поступила с ней Сюзанна. До сих пор и дня не прошло, чтобы она как минимум один раз не упомянула, как разочарована в моей сестре. К несчастью, мама и постояльцам об этом рассказывает, когда случайно встречается с ними в коридоре. Собственная дочь выставила ее за дверь! Можете себе представить? Что вы на это скажете?

Вчера миссис Бреннан с мужем едва ли не на цыпочках крались к ведущей на первый этаж лестнице. Я как раз выходила из ванной, где раскладывала свежие полотенца, и миссис Бреннан даже вздрогнула, а потом смущенно улыбнулась. А сегодня за завтраком она положила руку мне на плечо и сказала, что восхищается тем, как трогательно я забочусь о матери.

Трогательно.

В действительности наши с мамой отношения далеки от трогательных. Она вместе с папой десятки лет управляла «Морскими ветрами» и точно знает, что подобным поведением пугает гостей, вот только ее это, кажется, абсолютно не волнует. Если бы я не замечала, что она часто плачет, вряд ли удержалась бы от того, чтобы высказать ей все открытым текстом. Однако стоит мне увидеть, как мама старается придать лицу невозмутимое выражение, хотя на щеках еще остаются следы слез, самой хочется разреветься.

На кухне я заканчиваю загружать посудомоечную машину и тут же ее запускаю. Затем мою полы и лестницу на второй этаж, застилаю скатертями столы на завтра, поливаю цветы, перепроверяю электронную почту и подготавливаю счет для двух француженок.

Когда дела сделаны, на часах почти десять вечера, а по ощущениям – за полночь. Раньше я никогда к этому времени так не выматывалась, но непрерывные дискуссии с родительницей меня добивают. Устало поднимаюсь в свою комнату под самой крышей. Сразу после приезда я предложила маме поселиться в ней. Там тихо и в ее распоряжении оказалась бы личная ванная, однако она с возмущением отказалась. По ее словам, узкая лестница на чердак опасна для жизни. А я воздержалась от комментария, что она вполне в состоянии быстро пробежать вниз по ступеням, если речь идет о том, чтобы велеть перепуганному клиенту тише закрывать входную дверь.

Перед зеркалом в ванной завязываю на затылке свои выющиеся кудри. Мамины волосы раньше были такими же рыжими, давно, когда она еще умела улыбаться и хорошим настроением заражать даже самых угрюмых постояльцев. Теперь ее шевелюра постепенно седеет, с каждым днем будто бы все больше подстраиваясь под душевное состояние.

Сначала отец, а потом еще и Сюзанна.

Это не значит, что я не понимаю маму. Понимаю, и даже очень хорошо, вот только это никак не влияет на то, что

каждый проведенный с ней день становится нереально напряженным.

Как, черт возьми, все это может продолжаться, мам?

* * *

На следующий день меня ожидает сюрприз.

Это не Эйдан, который в конце концов принес постельное белье, и не француженки, которые, несмотря на поведение матери, сразу после отъезда оставляют на сайте фантастический отзыв о «Морских ветрах».

Это электронное письмо, которое я читаю ближе к вечеру, лежа на диване, и касается оно бронирования, сделанного уже пару месяцев назад каким-то агентством на имя некоего Джеймса Мерфи. В нем снова просят прислать подтверждение – пока что все нормально, – но это еще не конец.

Пожалуйста, примите во внимание, что Ваш гость – Джошуа Хейс, который рассчитывает остановиться у Вас для тихого и спокойного отдыха вдали от СМИ.

Вдали от СМИ? И что это значит? Звучит так, будто этот Джошуа Хейс какая-то знаменитость.

Если тем самым агентство пытается намекнуть, чтобы я не информировала все крупные телеканалы, что в ближайшее время сюда заселится роковой мистер Хейс, то вообще без проблем. Хотя вряд ли удастся предотвратить слухи об этом

в Каслданнсе. Разве что Джошуа Хейс собирается выходить на улицу в плаще и с накладной бородой. Темной ночью. И даже тогда у него, скорее всего, нет шансов.

С любопытством читаю дальше:

Будет очень любезно с Вашей стороны, если Вы также сможете обеспечить следующее:

- Постельное белье без молний
- Никакого пуха
- Дополнительная подушка
- Завтрак до одиннадцати утра

Список продолжается и заканчивается вот так:

Электронное письмо

- Свежие фрукты в любое время (ананас, манго, маракуйя, папайя, инжир).

Маракуйя и инжир? Шивон, которая вместе с матерью Орлой держит продуктовый магазин в Каслданнсе, помрет со смеху, стоит мне только спросить ее об этом. Да кто такой, бога ради, этот явно чрезвычайно важный Джошуа Хейс? Что-то крутится на краю сознания, но вспомнить не получается. Но по крайней мере агентство этого парня, очевидно, полагает, что я его знаю.

Пара щелчков мышкой, и теперь я в курсе. Джошуа Хейс – модель, актер и телеведущий. Причем если его актерская карьера ограничивается сравнительно небольшими работами, то список телешоу, которые он вел, выглядит куда более внушительным. Среди них «Идеальная пара» – популярный

телепроект для тех, кто ищет свою вторую половинку, а сейчас он снимается во «Все ради любви». Об этом я тоже кое-что слышала. Если правильно помню, то там нужно показать, насколько хорошо знаешь своего партнера.

А он и правда ВИП-персона, этот Джошуа Хейс. И это оправдывает свежую папайю каждый день.

С многочисленных фотографий на меня смотрит привлекательный мужчина с черной шевелюрой и темно-синими глазами. Учитывая, какая светлая у него кожа, волосы кажутся чуть ли не слишком черными, а глаза – слишком синими... откровенно говоря, этот парень выглядит чересчур красивым, чтобы быть настоящим. Однако под этими фото обнаруживается еще парочка снимков папарацци, и, видимо, в его внешности ничего фальшивого нет.

«Боюсь, тебе все-таки придется обойтись без корзинки экзотических фруктов, Джошуа Хейс, и я очень надеюсь, что ты не станешь так выпендриваться, как моя мама по поводу своей комнаты».

Уже практически поднявшись с дивана, я меняю решение, ложусь обратно и открываю «YouTube». В строке поиска вбиваю «Все ради любви» и обнаруживаю целую кучу видео. Наугад кликаю на самое первое. Публика аплодирует, пока Джошуа Хейс, стоя между двумя участниками, объясняет им задание.

– Кто же не знает сказку про Золушку? – Очаровательная улыбка в сторону девушки слева от него и широкая ухмылка

парню справа. – Брендон, ты же ее знаешь, да?

Брендон кивает.

– Конечно.

Джошуа поворачивается к девушке.

– Мара?

– Да, я тоже.

– Отлично, потому что сейчас вы должны будете разыграть ее ключевую сцену: принц находит возлюбленную с помощью тубельки! Но мы немного изменим сценарий... Брендон, будь добр, сними свой правый ботинок!

– Я? – Брендон гримасничает, но быстро скидывает ботинок.

– Носок, пожалуйста, оставь, мы же не хотим, чтобы у Мара появилась возможность запомнить какие-нибудь приметные родинки... Потом следуй за Грейс, она проводит тебя на нужное место за стеной, где, – в этот момент Джошуа слегка подмигивает миниатюрной Маре, – уже с нетерпением ждут еще девять симпатичных мужчин с голыми ногами. Как ты относишься к мужским ногам?

В первую секунду Мара удивленно мотает головой.

– Ну... – она откашливается, – на самом деле, думаю, вообще никак.

– Серьезно? – Джошуа кажется шокированным. – Но ты же в курсе, что мы, мужчины, невероятно чувствительны в отношении своих ног?

– Правда? – Мара ненадолго теряется. – Нет, не в курсе.

Джошуа Хейс неверяще вскидывает бровь.

– Тогда на этой передаче ты узнаешь кое-что важное: для большинства мужчин ступни – это, бесспорно, самая эрогенная часть тела.

– А я думала...

– Нет! Нет, я догадываюсь, о чем ты подумала, но это не так. В отличие от женских, на мужских стопах находится примерно в полтора раза больше нервных окончаний, возможно, потому что раньше во время охоты мужчинам приходилось шагать особенно тихо, и из-за этого... – он заговорщицки склоняет голову к Маре, – большинство мужчин только благодаря стимуляции стоп могут получить оргазм.

Джошуа Хейс произносит этот бред максимально убедительным тоном, и Мара, к сожалению, принимает его болтовню за чистую монету.

– Я этого не знала, – на полном серьезе заявляет она, – ну, если бы знала...

– Хорошо, что я тебе рассказал, так как теперь ты по достоинству сможешь оценить, что прямо сейчас, – Джошуа делает драматическую паузу, и через отверстия в ширме, за которой скрылся Брендон, просовывается целый ряд ступней, – десять мужчин доверяют тебе свою самую эрогенную зону. Волнующий момент, Мара, не правда ли?

Мара хихикает.

Господи, Мара, реально?

– Итак, тебе предстоит муки выбора. Какая нога принад-

лежит Брендону? У тебя три минуты, чтобы выяснить. Если справишься, вы заработаете дополнительные двадцать пять очков, а если нет – я мог бы по меньшей мере устроить тебе свидание с тем, чью ступню ты выберешь, как тебе такое? – с интересом спрашивает он, пока Мара проходит мимо вытянутых конечностей.

– Эмм... Брендон, наверно, будет не очень доволен.

– А ты?

– Ну, посмотрим, – смеется Мара, и меня накрывает что-то, похожее на жалость, потому что в этот миг камера показывает реакцию Брендона, который, стоя на одной ноге, опирается на длинноволосую ассистентку Грейс. Невзирая на тот факт, что ее полуголая грудь прижимается к его боку, в эту секунду Брендон озадаченно моргает, прежде чем взять себя в руки и снова нацепить ухмылку на лицо.

Тем временем Мара останавливается возле одной из ступней. С сомнением она чуть подается вперед.

– Не трогать! – инструктирует Джошуа Хейс, следуя за ней. – Чтобы никто тут не перевозбудился, ты же понимаешь.

– И не собиралась! – Застенчиво смеясь, Мара скрещивает руки. – Я вообще не хотела... я и так рада, что не приходится смотреть ни на какие другие эрогенные части тела.

– Мара! – Джошуа Хейс театрально округляет глаза. – Что за мысли ты вкладываешь в головы наших зрителей?

– О боже! – Мара на секунду прячет лицо в ладонях, и веселящаяся аудитория раздражается аплодисментами.

– У мужчин много эrogenных зон. – С широким жестом Джошуа Хейс оборачивается к залу. – Взять, например, уши... кстати, уши – это вторая самая чувствительная мужская часть тела. Мара, тебе это известно?

– Я где-то об этом читала, да, – торопливо отвечает Мара, которая к тому времени, видимо, уже забыла о своем задании, и не только я не могу удержаться от смеха. Бедняжка. Если когда-нибудь потом она это посмотрит, то, по всей вероятности, не обрадуется тому амплу, в котором на данный момент выступает. Возможно, софиты припекают и на пару с пристальными взглядами публики временно отключают какие-то участки мозга.

– Между прочим, у тебя осталось сорок семь секунд, – сообщает Джошуа Хейс. – Не хочу на тебя давить, но наши джентльмены наверняка чувствуют себя немного обделенными твоим вниманием.

– Хорошо, тогда, думаю... – Мара снова быстро пробегается вдоль стенки, – думаю, это может быть вот эта нога.

– Вот эта?

– Да.

– Точно уверена?

– Я... ну... да. Кажется.

– Каким образом ты узнала ногу Брендона?

– Так... ну... это вроде как интуиция.

– А! – кивает Джошуа, улыбаясь, – судя по всему, Брендон до сих пор был лишен определенных радостей.

– Но я же не знала этой фишки со ступнями! – защищается Мара, а я от стыда ненадолго зажмуриваюсь и, к сожалению, все равно снова смеюсь. Ее наивность довольно забавна, однако по какой-то причине неприятно видеть, как ею пользуются. Вот почему я никогда не смотрю ничего подобного.

– Значит, эта нога?

– Да.

– Может, разок пощупаешь?

– Эмм... нет. Нет, лучше не надо, – хихикает Мара.

– Ну, в таком случае – держи башмачок!

Изобразив галантный поклон, Джошуа передает Маре кроссовок Брендона, и та сразу начинает натягивать его на голую ногу. Сложно не заметить, что при этом она старается не дотрагиваться до кожи и явно чувствует облегчение, когда кроссовок наконец надет.

– Вроде подошел, нет? – вновь берет слово Джошуа Хейс. – Не выйдет ли к нам обладатель этой прекрасной мужской стопы?

У парня, который появляется из-за угла, загорелая кожа и длинные русые волосы, делающие его похожим на серфера.

Мара прижимает руки ко рту.

– О нет!

– М-да. – Джошуа Хейс качает головой и цокает языком, что с небольшой натяжкой можно расценивать как проявление сочувствия. – Жаль, но это не Брендон.

– Нет, – заключает Мара и смеется. Этот звук немного похож на вздох.

– Тогда давай уже позовем сюда Брендона. Или, может, мне все-таки?.. – Джошуа многозначительно указывает подбородком в сторону серфера, а Мара, у которой лицо и без того залито краской, краснеет еще сильнее.

– Нет, спасибо.

Через секунду она уже стоит рядом со своим парнем, и первое, что говорит ему:

– Я не прикасалась к его ноге.

На этом видео заканчивается, а я, смеясь, вместе с ноутбуком перекатываюсь на диване. Боже ты мой, какое кошмарное шоу.

А Джошуа Хейс, по всей видимости, окажется очень интересным постояльцем.

* * *

Ранним вечером опять звонит Сюзанна. Сегодня ее голос звучит особенно жалко. Как это часто бывает, ее наигранный оптимизм за считанные минуты превращается в стенания и рыдания, и именно поэтому я позволяю уговорить себя еще раз стать посредником между ней и мамой.

– Но я не верю, что из этого что-нибудь выйдет, – предупреждаю старшую сестру. – С каждым днем с ней становится все труднее, Сюзанна. Сейчас она покидает комнату только

для того, чтобы поесть или принять ванну.

– И чем тогда она занимается целый день?

– Читает журналы. Разгадывает кроссворды. Пялится в окно. Раздражается из-за любого звука громче мышиного писка. Откуда мне знать. Так или иначе, а настроение у нее скорее ухудшилось, чем улучшилось.

– Все равно, пожалуйста, спроси у нее, может, она со мной поговорит. Я приеду в любое время. Вчера я снова разговаривала с Калланом и... это была идиотская ошибка, Айрин, не надо было мне поддаваться, когда он заставлял меня это сделать. Все произошло слишком быстро, а слова, которые он наговорил... если бы я только знала...

– Сюзанна, – мягко перебиваю я, – ты мне все это уже рассказывала. Я посмотрю, чем могу помочь, ладно?

– Скажи маме, что в противном случае я приеду просто так.

– Ты уже пробовала, – напоминаю я. – И не то чтобы чего-то добилась.

Не люблю вспоминать тот день. Закончился он тем, что плачущая Сюзанна сидела на кухне, после того как практически целый час безуспешно пыталась заставить маму открыть ей дверь в комнату.

– Значит, в следующий раз я не уеду до тех пор, пока мы все не проясним.

При таком раскладе она сразу может сюда переезжать. Без понятия, откуда у Сюзанны такая уверенность, но когда я

стучусь к маме, после того как попрощалась с сестрой, то понимаю, что разделить с ней эту уверенность не могу.

Мама сидит в бордовом кресле возле шкафа со сложенными на коленях руками. Мне тут же становится ясно, что с тем же успехом я могла бы отказаться от всех попыток. Не пообещай я Сюзанне, сдалась бы от одного лишь недовольного выражения на мамином лице. Бог мой, как же она изменилась.

– Не хочешь попозже пройтись со мной до пляжа? – начинаю я. – Кто знает, сколько еще простоит такая хорошая погода.

Ее напряженное лицо слегка расслабляется, и во мне вспыхивает надежда. Если бы мы гуляли по берегу моря, мне было бы куда проще затронуть тему Сюзанны.

– Замечательная идея, Айрин, но сейчас у меня нет настроения.

– Уверена, что твое настроение моментально улучшится, когда...

– Я сказала нет, Айрин.

– Но ты ведь совсем перестала выходить из дома.

– Когда-нибудь я точно снова начну это делать, – равнодушно отвечает мама. – А до тех пор было бы прекрасно, если бы ты уважала мои решения.

Со вздохом я придвигаю к себе стул, который стоит у письменного стола.

– Я и так их уважаю. Но, кроме того, вижу, что они не

идут тебе на пользу. И я знаю еще одного человека, который мучается.

Слишком быстро. Это я соображаю по тому, как хмурятся ее брови и задирается подбородок.

– Айрин, – угрожающе начинает мама, однако теперь, после того как ввела в игру Сюзанну, я отваживаюсь на еще один шаг вперед.

– Ей очень плохо из-за случившегося. Она звонит сюда через каждые два-три дня и столько раз просила тебя с ней поговорить...

– Мне нечего сказать твоей сестре.

– ...и я знаю, что она раскаивается в том, как все получилось – по крайней мере хоть выслушай ее.

– С чего бы это? С чего бы мне, прости, это делать? Твоя сестра вышвырнула меня из своей квартиры. Она выставила меня за дверь. Больше мне ничего не надо знать.

– Это квартира Каллана, не ее. И она тебя не вышвыривала, а пыталась найти решение, когда ее парень больше не смог справиться с ситуацией.

– С какой ситуацией? Это я «ситуация»? Проблема? Твоя сестра ни с того ни с сего заявила, что я должна уехать...

– Да не заявляла она!

– ...и не возражала, когда я выслушивала от ее жениха, что его квартира не должна была превращаться в «пристанище для многопоколенной семьи».

– Сюзанна...

– Пожалуйста, не говори мне, что твоя сестра делала, а чего не делала, Айрин! Тебя там не было!

– Она не знала, что Каллан установит тебе крайний срок. Родительница выпрямляется в кресле.

– Твоя сестра однозначно была в курсе, что он меня выгонит, иначе почему просто сидела и молчала? Неожиданностью для нее это явно не стало. То есть поддерживала Каллана, и мне абсолютно безразлично, если теперь она испытывает угрызения совести и названивает сюда день за днем.

В глазах у мамы читается, что ей совсем не все равно. Стоит мне покинуть комнату, тут же схватится за коробку бумажных платочков. Ну почему же она такая упрямая?

– Вся эта история застала Сюзанну врасплох, как и тебя. Они с Калланом даже поругались по этому поводу.

– У этой истории, как ты выразилась, есть имя, а если конкретно – мое. И сейчас я больше не хочу ничего об этом слышать.

2

Сюзанна снова начинает плакать, после того как я по телефону передаю ей разговор с матерью. Блин, мне так ее жаль. Когда, несмотря на сомнения своего парня, она приняла решение взять маму к себе, то определенно не представляла, что все пойдет настолько далеко. И она, и я считали, что это просто такой период. Пауза, необходимая маме, чтобы забыть папу, который после почти тридцати лет брака захотел начать все сначала с другой женщиной. Мы полагали, она быстро вернется. Но время показало, что мы ошибались.

Где-то без двадцати девять, закончив препирательства с матерью о том, стоит ли ждать, что утром она спустится к завтраку, или мне сразу принести ей еду наверх, я собираюсь в «Брейди». Если утром родительница не появится внизу, ей придется готовить себе завтрак самостоятельно. Она и так слишком уж прячется от мира. Завтраки в комнате – это уже явный перебор.

Стоит теплый сентябрьский вечер, и даже прохладный ветер не заставляет меня застегнуть куртку. Паб «Брейди» располагается на улице, отделяющей Каслданнс от моря, и когда я на нее выхожу, то на пару минут облакачиваюсь о широкую каменную стену, выстроенную вдоль дороги. За ней полоса травы плавно спускается к пляжу, тонкие стебельки между плоскими валунами подрагивают от легкого бриза. Там, где

вода выплескивается на сушу, поблескивает в лунном свете белая пена, и на какое-то время я отстраненно наблюдаю за мягко накатывающими волнами, прежде чем наконец пойти дальше. И так уже опаздываю.

Отодвинув тяжелую занавеску, отгораживающую маленький коридорчик за входной дверью паба от общего зала, я выясняю, что в «Брейди» довольно много народу. И это при том, что с недавних пор публика обходится без Кьера. Кьер – это мой друг, состоящий в очень серьезных отношениях с моей лучшей подругой Лив. И кстати, помимо всего прочего, он настолько классно выглядит, что еще недавно каждый четверг, когда он исполнял здесь живую музыку, паб буквально трещал по швам.

Ладно, если по справедливости, то поет Кьер тоже по-настоящему хорошо, поэтому во многих смыслах обидно, что в будущем он будет редко это делать. Теперь, возобновив учебу, он живет в Дублине и изредка приезжает в Каслданнс на выходные, но тогда ему есть чем тут заняться, кроме как заботиться о развлекательной программе в «Брейди».

– Привет, Айрин! – Сиенна, еще одна моя подруга, выбегает из-за стойки, чтобы меня обнять. – Так здорово снова с тобой увидеться.

Мне приходит в голову, что с тех пор, как я тут появлялась в последний раз, прошло уже практически две недели. А виной всему постоянные ссоры с матерью, из-за которых я по вечерам едва способна доползти до кровати.

– Привет, – отвечаю я на объятия Сиенны.

С короткими каштановыми волосами, невысокая, хрупкая – вид Сиенны заметно контрастирует с внешностью ее парня Нилла – рослого, с крепким телосложением. Тот недавно начал управлять «Брейди». Так же, как и Дин, предыдущий владелец, Нилл теперь работает здесь барменом, а его карие глаза и сексуальная улыбка после отъезда Кьера стали причиной того, почему количество женщин в «Брейди» все еще выше, чем где-либо. И хотя к этому моменту для большинства уже не секрет, что Нилл и Сиенна вместе, многим девушкам ничто не мешает флиртовать с ним, перегнувшись через барную стойку. Сиенну это иногда сильно раздражает, но она слишком уравновешенна, чтобы устраивать разборки. Тем более что Нилл не обращает внимания ни на кого, кроме нее.

– Лив сидит в конце зала у сцены, – сообщает Сиенна и кивает в том направлении, – она уже заказала и на тебя тоже.

– Все поняла, спасибо. – Я уже собираюсь протискиваться сквозь толпу, как вдруг вспоминаю кое о чем еще. – Сиенна, у тебя будет время завтра или послезавтра испечь мне пирог?

Никто не умеет печь лучше, чем Сиенна. Сейчас она серьезно подумывает заниматься этим профессионально, ради чего в ноябре записалась на стажировку в одной кондитерской в Кэрсивине. Готова поспорить, она их самих чему-нибудь научит.

– Если это терпит до послезавтра, то без проблем. Зав-

тра мы с Ниллом хотим вместе с Эмми купить ей школьный портфель.

– Уже? А разве пока не рановато?

Эмми – дочка Нилла, и недавно ей исполнилось пять лет. Конечно, в следующем году она пойдет в школу, но до этого еще больше одиннадцати месяцев.

Сиенна вновь возвращается за стойку, наливает колу в несколько стаканов и расставляет их на подносе, а затем широко мне улыбается:

– Да, но она вбила себе в голову, что портфель нужен ей уже сейчас, а ты же знаешь Нилла. Потом мы еще сходим куда-нибудь поесть мороженого, и на пирог времени не хватит. Но в субботу ты его точно получишь.

– Потрясающе, меня устраивает, спасибо. Он понадобится мне самое раннее после обеда для новых гостей, а если сможешь приготовить его только вечером, я просто подам его на следующий день за завтраком.

– Айрин, привет! – Нилл спешит к нам с другого конца бара. Он коротко притягивает меня к себе и тут же делает шаг обратно к пивному крану. – Смотрите-ка, кто опять к нам пришел! – кричит он мне через плечо.

– Сейчас столько всего происходит, – отзываюсь я и, еще раз махнув ему рукой, начинаю проталкиваться к Лив. Сиенна со своим подносом уже давно растворилась в толпе.

Лив я нахожу сидящей вместе с Мэдисон и ее парнем Генри за столиком у стены, и она замолкает на середине фразы,

когда замечает меня.

– Айрин, ну наконец-то! Не ты ли говорила, что успеешь к половине девятого? – Она поднимается, чтобы приобнять меня. – Я заранее заказала тебе «Гиннесс», но, к сожалению, он уже давно стоит.

– Ничего страшного, – отмахиваюсь я. – Привет, Мэдисон, привет, Генри.

Здорово снова повидаться и с ними тоже. С Мэдди я знакома целую вечность – в школе мы с ней сидели за одной партой, – но хотя они с Генри живут в Каслданнсе, все реже появляются в «Брейди». Мэдди как-то сказала, что Генри к вечеру слишком устает, а без него ей не хочется куда-то выбираться.

Генри кивает мне, не вставая из-за стола.

– Айрин. Как у тебя дела?

– Выглядишь измотанной, – вставляет Лив, перед тем как я успеваю ответить на вопрос Генри. – Постояльцы или мама?

– Мама, – сетую я и придвигаю к себе пиво, опускаясь на стул возле подруги. – На самом деле я уже не знаю, что мне делать.

– Она до сих пор всем недовольна? – сочувствующе интересуется Лив.

– Да, и создается впечатление, что становится только хуже. Она все время злится, а если не злится, то в тупом оценивании смотрит в окно.

– Ох, Айрин, звучит ужасно, – произносит Мэдисон.

– Так и есть. – Со вздохом откидываюсь на спинку стула. –

Ты еще не заказала у Сиенны что-нибудь из еды, Лив?

– Нет, пока нет. И слава богу, иначе все бы уже остыло.

– Я сделаю заказ по пути на выход, – объявляет Генри и встает.

– Ты что, уже собираешься уходить? – Мэдисон, кажется, не особенно это радуется.

– Я же говорил, что надолго не останусь – завтра рано выезжать. Что вам заказать?

Лив бросает на меня вопросительный взгляд.

– Особое рагу? – Я киваю. – Мэдисон, а тебе?

– Мы с одной из коллег съели пиццу на двоих после работы, спасибо. Но второй «Гиннесс» не помешал бы... действительно жалко, что ты уже убегаешь. – Мэдисон поднимает голову, когда Генри наклоняется к ней, чтобы поцеловать. Разница между маленькой веснушчатой Мэдисон с темными волосами, подстриженными под ровный прямой «боб», и Генри – великаном с ежиком светло-каштановых волос – бросается в глаза даже сильнее, чем у Сиенны и Нилла.

– Прости... в выходные у меня будет время, хорошо?

– Ты всегда так говоришь, – вздыхает Мэдисон и тем не менее целует его второй раз.

– Как поживает Кьер? – интересуюсь я у Лив после прощания с Генри.

– Хорошо. Но он и два его соседа по квартире ищут ново-

го съемщика в четвертую комнату... а точнее говоря – съемщицу.

– А что с тем парнем, который жил там раньше?

– Он решил, что лучше не учиться, а работать в фирме своего отца. Прямой дорогой сразу на уровень начальника. Наверняка очень удобно, когда тебе все в жизни достается на блюдечке с голубой каемочкой.

Мэдисон подается вперед.

– А почему человек, который въедет в четвертую комнату, обязательно должен быть женского пола?

– Потому что соседи Кьера Олли и Адам внезапно сошлись во мнении, что с девушками проще, – закатывает глаза Лив. – Естественно, это никак не связано с тем, что Адам пару недель назад расстался со своей пассией. – И чуть более серьезно добавляет: – Мне не нравится, что по утрам у них под душем будет стоять какая-то дамочка.

– Кьеру можно доверять, Лив, – ободряю я.

– Я и доверяю. Но все-таки в выходной съезжу взглянуть на претенденток, которых пригласили на субботу и воскресенье. Вероятно, даже задержусь подольше, ведь мне ужасно не хватает Кьера.

Изначально Лив планировала чаще бывать в Дублине, но быстро поняла, что постоянная суэта в квартире-общежитии на четверых совершенно не дает ей сконцентрироваться на работе. Лив – журналист-фрилансер, она пишет для многих изданий. Я знаю, что больше всего они с Кьером хотели бы

снять отдельную квартиру в Дублине, но вместе с квартирой здесь, в Каслданнсе, не могут себе это позволить. А я рада, что от нее они отказываться не собираются.

Сиенна приносит Мэдисон пива и прежде чем та успевает отпить глоток, уже уносится прочь.

– Возвращаясь к твоей матери, Айрин, – произносит Мэдисон. – Может, твоей сестре стоит с ней поговорить. Мне начинает казаться, что сама ты от нее толку не добьешься.

Ничего не могу с собой поделатъ – мой смех звучит горько.

– Сюзанна с удовольствием поговорила бы с мамой, она неделями пытается это сделать. Но та продолжает отказываться обменяться с ней хоть парой слов. В глазах мамы Сюзанна вышвырнула ее из дома, и я боюсь, что упрекать сестру в этом она не перестанет никогда.

– Кошмар. Бедная Сюзанна.

– Да, бедная Сюзанна. Но прежде всего бедная Айрин, – высказывается Лив. – Ты принимаешь на себя весь удар, но мало что в силах предпринять. Тупая ситуация. – Она делает паузу. – А тебе не приходило в голову предложить матери на пару дней навестить Мэттью? Он творит чудеса.

Мэттью – это имя маяка на Кэйрахе, крохотном острове у побережья. Макс Ведекинд, слегка эксцентричный хозяин этого сооружения, назвал его так, и не только Лив, но сейчас уже почти каждый привык к этому имени. Лив провела там полгода и любит маяк горячо и трепетно.

В настоящее время Мэттью стал местом, где можно провести отпуск, и наряду с «Морскими ветрами» я управляю им для мистера Ведекинда.

– Мне не верится, что она вообще станет рассматривать такой вариант, – признаюсь я. – Она ведь даже на мансарду отказывается подниматься. Тем более он уже полностью забронирован до начала ноября. Кстати, знаете, кто переедет на неделю к Мэттью? После того как сначала две недели проживет у меня?

– И кто же? – любопытствует Лив.

– Джошуа Хейс. Слышали о нем?

– Джошуа Хейс? В смысле – тот самый Джошуа Хейс? Телеведущий? – вырывается у Мэдисон.

– Именно тот.

– О боже! Джошуа Хейс! Айрин, можно мне снять комнату возле него?

– Тебе одной или возьмешь с собой Генри? – Я откидываюсь назад, потому что подходит Сиенна с двумя тарелками рагу для меня и Лив. – Я даже могу поинтересоваться, нельзя ли тебе спать сразу в его кровати. У него в списке пожеланий как раз значится дополнительная подушка.

– Кому нужна дополнительная подушка? – любопытствует Сиенна.

– Джошуа Хейсу, – отвечаю я. – С субботы он две недели проживет в «Морских ветрах». Сегодня его агентство прислало мне длинный список пожеланий.

– Джошуа Хейс? Так это для него пирог?

– Среди прочих, да. – Беру ложку, которую Сиенна положила на салфетку рядом с моей тарелкой. – Если ты тоже хочешь соседнюю с ним комнату, то придется делить ее с Мэдисон.

– Лучше я разделю кровать с Джошуа Хейсом, чем комнату с Сиенной, – говорит Мэдисон. – Но, пожалуйста, спроси у него, не спит ли он без одежды.

– Бедняга Генри, – выдает Сиенна, – какое счастье, что он уже ушел.

– Генри в курсе, что лишь одного мужчину на всем белом свете я считаю чуточку более красивым, чем он, и это Джошуа Хейс, – невозмутимо парирует Мэдисон. – Он поймет. Я бы тоже не имела ничего против, если бы Айрин сдала Генри комнату рядом с Кирой Найтли.

– Ты была бы не против? – изумляюсь я.

– Нет, против. – Мэдисон поднимает указательный палец. – Если когда-нибудь Кира Найтли захочет снять у тебя номер, будь добра, скажи ей, что все занято до сентября две тысячи тридцать четвертого года.

– А я вообще не знаю этого Джошуа Хейса, – подает голос Лив. – Чем конкретно он занимается? Он ведущий?

– Да, точно. Сейчас ведет «Все ради любви», и он такой остроумный! А кроме того, он очень горяч... как можно иметь такую внешность? Я хотела отправить наши с Генри кандидатуры в заявку на его шоу, но Генри почему-то отка-

зался, без понятия почему.

– Да, странно, – сухо замечает Лив.

– Подожди, пока его увидишь, – заявляет Мэдисон. – Спорю, ты один раз заглянешь ему в глаза и почувствуешь то же самое, что и я.

– Лив с Кьером, Мэдди, – вставляю я. – У нее наверняка иммунитет.

– Джошуа Хейс ирландец? – Лив вытаскивает смартфон и рассматривает фотографию, на которой он изображен.

– Нет. Шотландец, но его бабушка по материнской линии была японкой. Он из Глазго, и раньше его семья жила довольно бедно, – поясняет Мэдисон.

– Откуда тебе все это известно? – удивляюсь я.

– Эй, я от него без ума, на случай если ты до сих пор не заметила – мне все о нем известно!

– Какой у него рост?

– Метр восемьдесят два. Знак зодиака – Овен. И он одинок.

– Он и одинок? – выпаливает Сиенна, а затем оборачивается, так как ее кто-то позвал. – Ай, черт, мне надо идти... но чтобы избежать появления в «Брейди» рыдающего Генри, я бы не пускала Мэдисон в соседнюю комнату с Джошуа Хейсом. – Она ухмыляется Мэдисон, на что та показывает ей язык.

– Джошуа Хейс, – вздыхает она, когда Сиенна удаляется, и поднимает свой бокал с «Гиннессом». – Как бы то ни было,

ты же пришлешь его сюда, Айрин, ладно? Скажи ему, что нигде нет такого классного бара, как в «Брейди». И еще скажи, что одна из традиций Каслданнса – жители приветствуют приезжих поцелуем. И только посмей не сказать мне, когда он отправится сюда!

– Мэдди, мне кажется, тебе следует расстаться с Генри на следующие две недели, – смеется Лив.

Мэдисон притворяется, что задумчиво покачивает головой, а потом тоже смеется.

– Ах нет. Я не могу так поступить с Генри, к тому же он все равно самый классный... по крайней мере станет, когда Джошуа Хейс снова уедет, – договаривает она с ухмылкой. – Но твоего клевого парня тоже пока нет... поэтому я за тебя реально беспокоюсь. Лучше сиди следующие две недели дома, чтобы не вводить себя в искушение.

Лив просто усмехается и кладет в рот ложку рагу.

Я не участвую в их взаимных подкалываниях. Риск, что какой-то парень понравится Лив больше, чем Кьер, и так ниже нуля. Эта парочка искала друг друга и нашла. Так с ходу у меня в голове всплывают только Сиенна и Нилл, между которыми, очевидно, сверкнула такая же искра.

Такая великая любовь...

– Айрин? Все хорошо? – Лив прекращает есть и тревожно смотрит на меня.

– Конечно. Почему ты спрашиваешь? – удивленно интересуюсь я.

– Во-первых, потому что у тебя остывает рагу. А во-вторых, потому что ты сейчас как-то... грустно выглядишь.

Смущенно улыбнувшись, хватаюсь за ложку.

– Всего лишь задумалась о том, что нужно будет сделать завтра, – оправдываюсь я. – Просто так чертовски много всего навалилось.

– Тебе самой определенно необходим отпуск, ты явно перетрудилась. А теперь еще постоянный стресс с мамой...

Я только пожимаю плечами и начинаю есть. К сожалению, в ближайшее время ничего не изменить.

– Так устрой себе отпуск с Джошуа Хейсом, – предлагает Мэдисон. – Ты единственная из нас, кто без проблем может так поступить. Впрочем, если он хотя бы наполовину настолько хорош в постели, насколько круто выглядит, ты уже точно ничего больше не сможешь делать.

– Тогда лучше не надо, – решаю я и продолжаю: – Большинство нереально красивых мужчин, между прочим, в постели очень посредственны. Слишком полагаются на свою внешность. Есть исследования на эту тему.

– Исследования, – хитро улыбается Лив, – мои личные исследования показывают кое-что другое.

– Исключение лишь подтверждает правило.

* * *

И пусть по пути домой я от усталости едва не врезалась

в фонарный столб, теперь лежу в кровати, и сна ни в одном глазу. Такое не часто со мной случается. И, к сожалению, я не имею ни малейшего понятия, почему это происходит. Знала бы, постаралась как-то избежать. Сегодня ночью мои мысли не желают успокаиваться. Мне двадцать четыре года, и сейчас моя жизнь словно... застряла на одном месте.

Не то что бы мне хотелось бросить «Морские ветры». Я люблю этот дом, люблю Каслданнс. Я даже вообразить себе не могу, как жила бы где-то еще, где нельзя в любой момент отправиться к морю, чтобы посмотреть на накатывающие на берег волны. Но в такие ночи, как эта, у меня возникает желание однажды увидеть и что-нибудь другое, просто уехать в отпуск... и не быть при этом одной.

Не то чтобы я в самом деле одна. У меня самые лучшие подруги, о каких только можно мечтать, и половину Каслданнса я знаю настолько хорошо, что практически каждого здесь могу попросить о помощи, если она мне понадобится. Но когда думаю о Лив и Кьере или о Сиенне и Ниле аналогично... проклятье, да даже при мысли о влюбленном Эйдане, хотя он, правда, никак с этим не разберется, меня охватывает тоска.

Когда я в последний раз влюблялась? Похоже, с тех пор прошли годы, да и тогда это оказывалось не более чем увлечением. Разумеется, я ходила на свидания, в университете даже дважды начинала непродолжительные отношения. Однако по какой-то неведомой причине парни всегда изливали

мне свои любовные страдания, видя во мне скорее приятеля, чем девушку. А с немногими, с кем все происходило иначе, так и не проскакивала искра. Я не встречала человека, с которым отношения могли бы развиваться в нечто серьезное, нечто настоящее.

Повернувшись к маленькому чердачному окну, я ищу звезды.

В большинстве случаев я о таком не задумываюсь. У меня слишком много забот, чтобы задумываться о подобном. Лишь только иногда... вот как сейчас...

Я не одна, но мне одиноко. Время от времени.

И единственное, что меня утешает – понимание, что завтра это дурацкое чувство снова исчезнет.

* * *

На следующее утро я бездумно выполняю все дела, которые значатся в моем ежедневном неписаном перечне. Разношу чай и кофе, тосты, тушеную фасоль и все остальное к завтраку на столы, затем опять все убираю, пытаюсь при этом справиться с неприятным давящим ощущением. Возможно, это просто отголосок прошлой ночи.

Лив абсолютно права: наверное, мне действительно пора в отпуск. «Морские ветры», маяк, вечно недовольная мать, Сюзанна, которая названивает сюда каждые три дня и потом обязательно хочет поплакаться мне на то, что мама игнори-

рует пять миллионов ее объяснений и не принимает десять миллионов ее извинений, все это...

– Айрин?

Словно догадалась, что в этот миг я о ней думаю, мамин голос летит вниз по лестнице. Меньше десяти минут назад она последней встала из-за стола и ушла в комнату. Что бы ни понадобилось, оно могло бы прийти ей в голову и раньше. Вздохнув, поднимаюсь по лестнице на второй этаж, чтобы заглянуть к ней.

– Да?

С надетыми на нос очками и с раскрытым журналом на коленях мама восседает на кресле.

– Можешь, пожалуйста, взять мне у Мими новый «Stellar»¹?

– Конечно. Я все равно собиралась потом купить там кое-чего.

– Когда?

– Не знаю. Когда закончу с кухней.

Понятия не имею, почему под конец предложения голос у меня становится таким высоким, будто мне надо спрашивать разрешения первым делом убраться, а уже после бежать в магазин Мими Фитцджеральд за журналом.

Мама кивает:

– Хорошо. Не могла бы ты еще закрыть окно перед уходом? Дует.

¹ «Stellar Magazine» – популярный женский журнал в Ирландии.

Без единого слова шагаю к столу и выполняю ее просьбу. В ожидании дальнейших распоряжений разворачиваюсь к ней и такое ощущение, что вижу, как у мамы в голове вертятся шестеренки. Сейчас еще что-нибудь придумает. Уверена, что к этому моменту родительнице уже стало довольно скучно, но она слишком глубоко закопалась в свои обиды, чтобы признаться в этом даже самой себе.

– И я бы с удовольствием выпила чаю.

– Я принесу.

– Спасибо.

Вновь спускаюсь по ступеням на первый этаж, чтобы засыпать чай в ситечко и включить чайник. Пока он не закипел, убираю в столовой последнюю посуду после завтрака и принимаюсь загружать ее в посудомоечную машину. Я еще не закончила, когда вода начинает бурлить, но прежде чем мама опять пожалуется, отрываюсь от своего занятия и сначала наливаю чай, кладу на тарелку пару печенек и вместе с сахарницей несусь наверх.

Мама дремлет. Тихо ставлю поднос на письменный стол и надеюсь, что она не позовет меня подать ей чашку к креслу.

Вернувшись на кухню, расставляю все, что осталось, запускаю посудомойку и наконец пишу огромный список покупок. Завтра перед обедом Тео на своей лодке отвезет продукты на Кэйрах. Затем его жена Элейн наведет порядок на маяке, а он переправит нынешних гостей обратно в Каслданнс. Тео и Элейн наши старые друзья и живут всего через

две параллельные улицы от нас, а мама периодически ходит к ним на ужин. По крайней мере этот контакт она еще не обрнула.

Ближе к вечеру я сама доставлю новых постояльцев маяка на остров и по пути домой захвачу с собой Элейн.

Все должно быть организовано очень точно. Маяк приносит мне чуть больше трети от общего дохода, но на то, чтобы следить за ним, тратится почти столько же времени.

После того как созвонилась с Тео по поводу завтрашнего дня, я еще раз осторожно стучу в мамину дверь. Она сидит там же, где и раньше, однако теперь глаза у нее открыты, а ладони обхватывают чашку с чаем. Мне вспоминаются картинки из серии «найди семь отличий».

– Я сейчас ухожу. Тебе нужен только «Stellar», верно?

– Да. – Она бросает злой взгляд на телефон, который я до сих пор сжимаю в руке. – Я не буду разговаривать с Сюзанной.

Удержавшись от закатывания глаз, просто закрываю за собой дверь. Их с сестрой нужно запереть в одной комнате и выпустить только тогда, когда мама утихомирится.

Через пару шагов вспоминаю еще кое-что и возвращаюсь.

– А ты знаешь Джошуа Хейса? – спрашиваю у матери, которая изумленно вскидывает голову. Она явно его видела, если не по телевизору, то как минимум в журналах. Быть может, новость о том, что он забронировал номер в «Морских ветрах», хотя бы ненадолго выведет ее из этой летаргии.

– Ведущего?

– Да, точно. Следующие две недели он будет жить у нас.

– Ага... – Судя по всему, она ждет дальнейших подробностей.

– Мне просто показалось, что тебя это заинтересует.

– Не совсем. Однако меня не удивляет, что он предпочел провести отпуск в Каслданнсе вместо Сен-Тропе, учитывая все, что в последнее время о нем рассказывают.

– Почему? И что рассказывают?

– Что он разругался со своим каналом и решил уехать жить в монастырь и дать там обет безбрачия.

– Серьезно?

Она кивает:

– В последнем «Stellar» писали, что он уже отказался от всех мирских радостей и раздумывает о том, чтобы стать священником.

– Ну, это...

– Полный бред, знаю, – перебивает меня мама. – Подобное они пишут, только если не получается насочинять достаточно романов. Попроси его оставить тебе карточку с автографом, возможно, мы ее куда-нибудь повесим.

– Ладно, – усмехаюсь я и второй раз прикрываю дверь.

– Кстати, Мими его просто обожает! – кричит мне вслед мама. – Пусть подпишет две карточки!

В универсальном магазинчике Мими Фитцджеральд, пожилой седой леди, я первым делом покупаю журнал. Затем решаю попытать удачи в продуктовом на противоположной стороне улицы. Как и ожидалось, Шивон не сможет мне достать все эти экзотические фрукты.

– Извини, Айрин, но кроме манго и ананасов, у меня ничего из этого нет. Как насчет киви? Или бананов?

– Давай все что есть. И еще два апельсина.

– Свежий инжир. – Она качает головой. – Какой-то гость попросил?

– Именно. Надеюсь, он не устроит спектакль, когда вместо папайи получит лишь бананы.

Шивон ухмыляется, ведь мы и раньше часто посмеивались над необычными пожеланиями моих постояльцев.

– По всей вероятности, после отпуска ему потребуется капельница с папайей. Многие люди, ну... помнишь ту парочку, в которой муж поднял шум из-за того, что из тридцати видов чая у меня в магазине ему ни один не подходил? Ты еще специально поехала ради него в Кэрсивин.

– О господи, не напоминай мне о нем. Как ни крути, а я точно не стану каждый день мотаться в Кэрсивин за свежим инжиром. Вот пускай этот тип сам и ездит, если это настолько необходимо. Однако, скорее всего, в Кэрсивине

ему туго придется. Если я правильно поняла агентство, он не очень-то любит, когда его узнают.

– Его агентство? А кто это вообще?

– Джошуа Хейс.

– О, Джошуа Хейс! «Все ради любви»! Я смотрю эту ту-пую передачу исключительно из-за него. Когда он улыбается в камеру...

То, что происходит в такие моменты, загадочно повисает в воздухе.

– И ты тоже? Ты не первая, кто говорит что-то в этом роде.

– Естественно нет... эй, Джошуа Хейс. Я хочу от него ребенка.

– Становись в очередь. – Я забираю свои сумки. – Перед тобой уже занимала Мэдисон.

– У Мэдисон есть Генри.

– А что там с Эйданом?

– Ах, этот. – Шивон отмахивается. – Недавно он целых десять минут ошивался среди кукурузных хлопьев. А когда я спросила, не помочь ли ему чем-нибудь, пробормотал что-то и вылетел из магазина. Эйдан милый, но Джошуа Хейс... для него я прямо сейчас выясню, у какого оптовика заказать свежий инжир.

– Да расслабься, – заявляю я. – Видимо, он мне и так окажется не по карману.

– Так ты его и не получишь – просто пришли ко мне Джошуа, – парирует Шивон.

Смеясь, я выхожу из магазина. Полагаю, какого-то особенного ажиотажа СМИ в Каслданнсе Джошуа Хейсу опасаться вряд ли стоит, но вот одной-двух фанаток ему гарантированно не избежать.

* * *

На следующий день звонок в дверь раздается еще до того, как я убираю завтрак с последнего стола.

– Проходите, – приветствую я новых гостей, парочку, которая представляется как Уиллоу Скотт и Шейн Грэм. – Правда, вы приехали немного раньше.

– Да, мы знаем, – отвечает Уиллоу. Она чуть пониже меня, с ямочкой на подбородке и кудрявой копной светлых волос. На запястьях болтается около ста браслетов и кожаных ремешков, и мне уже нравится ее открытая улыбка. – Мы очень рано выехали, потому что хотели посмотреть на рассвет. В районе семи у нас уже был пикник! Если сейчас неподходящее время, мы просто еще немножко погуляем по пляжу.

– Нет, все в порядке. Ваша комната уже готова, можете спокойно заселяться.

– Супер, мы только принесем вещи. – Уиллоу сияет, поворачиваясь сначала в мою сторону, потом в сторону Шейна, худого, долговязого парня, который тоже мне улыбается. Держась за руки, они идут к припаркованной через дорогу машине, чтобы взять свой багаж.

Уладив все формальности и показав им комнату, меньше чем через десять минут я вновь слышу спускающиеся по лестнице шаги.

– Мы осмотримся в деревне! – кричит Уиллоу в открытую кухонную дверь. – Здесь можно где-нибудь поесть?

– Только по вечерам, зато очень вкусно. В пабе «Брейди», вниз по улице вдоль берега. Сейчас можно разве что купить что-то в продуктовом магазине... подождите, я дам вам карту, на нее нанесены все магазины и достопримечательности Каслданнса и окрестностей.

Вскоре, погромыхав и похлопав дверями, они исчезают. Я внимательно прислушиваюсь к звукам наверху. Зная маму, не сомневаюсь, при следующей же возможности она намекнет этой парочке на свое персональное время отдыха. То обстоятельство, что некоторые гости порой возвращаются в номера поздно ночью, для нее как заноза в заднице. Прежде ей такое никогда не мешало, ведь невозможно управлять гостиницей, если на тебя это так действует.

Как бы то ни было, в данный момент все тихо, и я тороплюсь закончить дела на кухне, чтобы заняться обеими комнатами, как только из них съедут постояльцы.

Параллельно размышляю о женщине, которую жду после полудня. Ее зовут Шила О'Брайен, и в строке «год рождения» она отметила тысяча девятьсот сорок первый. Если это не опечатка, то ей приблизительно восемьдесят. В моем воображении возникает хрупкая старушка, поэтому надеюсь,

она видела, что все комнаты находятся на втором этаже.

И кроме всего прочего сегодня меня ждет знакомство со знаменитым Джошуа Хейсом. Вчера вечером я посмотрела еще несколько отрывков из разных шоу с его участием, чтобы выяснить, почему Мэдисон и Шивон в таком восторге от этого мужчины. Он действительно довольно хорош собой, тут не поспоришь, но, по-моему, его образ балансирует на грани. Конечно, он забавный – умелая ирония и притом не плоская. И все же, как по мне, подобные развлекательные шоу слишком нацелены на то, чтобы загонять людей в нелепые ситуации.

Сильнее всего он мне понравился, когда один тип во «Все ради любви» очень противно придирается к своей девушке, поскольку та не справилась с каким-то заданием. Бедняжка едва сдерживала слезы, а Джошуа отодвинул грубого парня на пару шагов от нее, приобнял девушку за плечи и что-то пробормотал ей на ухо. Какие бы слова он ни сказал, после них девушка с такой благодарностью ему улыбалась, что расстроганная публика издала дружный вздох. А до ее глупого дружка, по всей вероятности, дошло, как ужасно он себя повел.

Невзирая на это, актерская игра Хейса показалась мне лучше, хотя я смогла найти только небольшую сцену из фильма с ним. Ей уже несколько лет, и там он выглядит очень-очень молодо. Но также и очень-очень убедительно. Это был всего лишь двухминутный эпизод, где герой Хей-

са прощается со своей умирающей матерью, но после него у меня слезы навернулись на глаза. В результате, бросив последний взгляд на список видео с Джошуа на «YouTube», я захлопнула ноутбук.

Наверное, странно вести такой открытый образ жизни. Очевидно, он достаточно популярен, чтобы его всегда и везде снимали. В интернете полно не только интервью, публичных выступлений на торжественных мероприятиях, но и куча коротких записей с трясущейся камеры от людей, которые случайно где-нибудь на него наткнулись, например, при выселении из отеля или в аэропорту.

Жуть. Меня бы это совершенно свело с ума.

А сейчас я по-настоящему заинтригована, каким человеком окажется Джошуа Хейс, когда на него не направлены объективы.

* * *

Шила О’Брайен не ошиблась в дате своего рождения.

Она приезжает сразу после того, как Сиенна приносит мне обещанный пирог – яблочный штрудель. Это приземистая леди с белоснежными волосами и громким голосом. Несмотря на возраст, она держится весьма прямолинейно и очарована абсолютно всем.

Поездкой сюда, Каслданнсом, тем, насколько близко к морю он расположен, и не в последнюю очередь «Морскими

ветрами». Она называет их «домиком, в который нельзя не влюбиться», а еще уверяет, что настолько комфортные комнаты за время путешествия ей редко попадались.

– Вы уже давно в пути? – любопытно я после этого предложения.

– Простите, что? – Миссис О’Брайен легонько похлопывает пальцем по левому уху. Я чуть громче повторяю свой вопрос. – О да, уже практически три недели. – Шила кладет сумку на свежестеленную кровать и подходит к окну. – Изначально мы с мужем планировали совершить этот тур вместе, но непосредственно перед отъездом он внезапно заявил, что слишком стар для такого. И тогда я решила, что все равно поеду одна.

Она подмигивает, окончательно завоевывая мое сердце, еще до того, как говорит, что вид на окружающие дома великолепен. Объяснив ей, где что находится, я берусь за дверную ручку.

– Если у вас появятся еще какие-то вопросы или пожелания, можете обращаться ко мне в любое время.

– Большое спасибо, непременно. Думаю, пока что мне все понятно. А как именно мне добраться до того паба, о котором вы сейчас рассказывали?

– Просто идите вниз по улице по направлению к морю, а дальше по набережной налево. Тут всего пара сотен метров, не заблудитесь. В ящике стола есть карта, на которой все обозначено.

– Спасибо огромное, – довольно отвечает она. – Мне уже не терпится поужинать там сегодня вечером.

Продолжая улыбаться, я направляюсь по коридору к лестнице, мыслями до сих пор с Шилой О’Брайен, когда раздаётся звонок в дверь.

Стук сердца вдруг ускоряется. Бред. Из-за историй вокруг Джошуа Хейса я на самом деле разнервничалась.

Торопливо перепрыгиваю через последние ступеньки, лишний раз обеими руками быстро провожу по волосам перед зеркалом в коридоре у входа и распрямляю плечи. А затем открываю дверь.

3

– Привет.

На нем свободный пиджак и темные джинсы, а черные волосы выглядят так, словно он только что от парикмахера. За прошедшие дни я достаточно на него насмотрелась, так что сейчас объективно нет никаких оснований пялиться, однако должна признать: Джошуа Хейсу, которого я видела на мониторе своего ноутбука, никогда не сравниться с обаянием реального Джошуа Хейса. И причина, вероятно, заключается в том, что он расслабленно стоит передо мной, рядом с ним – серебристый чемодан с жестким корпусом, а его улыбка кажется намного более естественной, чем ухмылка, знакомая мне по ТВ-шоу.

Я снова отвожу плечи назад и, к счастью, по моему голосу не заметно, что он пусть и совсем немного, но выбил меня из колеи.

– Здравствуйте, я Айрин О’Ши, прекрасно, что вы приехали. Проходите, добро пожаловать в «Морские ветры».

Хотя Джошуа Хейс не очень высокий – разве что на полголовы выше меня, – коридор в прихожей сейчас будто бы стал теснее, чем обычно. Я отступила в сторону, чтобы пропустить его внутрь, и он с интересом осматривается, прежде чем ответить на мою реплику.

– Джошуа Хейс, рад оказаться здесь.

– Да, я тоже. В смысле, я рада вас приветствовать, – менее изящно выдаю я. – Вы хотели бы сразу принести остальной багаж или мне сначала показать номер?

– Кроме походных ботинок у меня все с собой. – Он стучит ладонью по выдвигной ручке чемодана. – А они могут пока и в машине поваляться.

– Хорошо, тогда идемте наверх, – говорю я, поворачиваясь к лестнице. – У вас угловая комната с видом на сад.

На три недели Джошуа Хейс взял поразительно мало вещей. Надеюсь, наряду с папайей и маракуйей он не ожидает еще и прачечную.

– Базовый набор, – поясняет он, словно прочел мои мысли. – Не люблю таскать за собой чемодан с кучей вещей, которые мне не пригодятся.

Большая угловая комната находится напротив двери миссис О’Брайен и прямо возле Уиллоу и Шейна. Эта парочка повесила на ручку табличку «Не беспокоить», и мне слышно смех Уиллоу, когда я распахиваю дверь и делаю шаг в сторону.

Джошуа заходит в номер передо мной, ставит чемодан возле простого платяного шкафа из темного дерева и перекидывает пиджак через спинку стула, стоящего у письменного стола. Из окна за ним видно сад. Его взгляд бродит по спинке кровати, покрытой красивой резьбой, и цветам в стеклянной вазе, которые я сегодня утром поставила на подоконник.

– Очень мило. Уютно.

Он произносит это так дружелюбно, что часть моего напряжения моментально улетучивается. Почему-то я считала, что мужчина, заранее составивший длинный лист особых пожеланий, предъявит куда более высокие требования к своей комнате.

– Спасибо большое. Ванная слева в конце коридора. Вы не единственный постоялец, но если хотите, можете положить свои вещи на белую полку.

Темно-синяя полка предназначена для Уиллоу и Шейна, красная – миссис О’Брайен. К маминой комнате относится голубая полка, но, естественно, она бы ни за что не оставила там даже тюбик с зубной пастой.

– Все понятно.

– В ящике письменного стола вы найдете карту местности, там я отметила особенно симпатичные местечки, и... постельное белье на кнопках, наполнитель не из пера, а дополнительная подушка в шкафу.

Честно говоря, я собиралась озвучить это максимально нейтральным тоном, но пока все перечисляла, к сожалению, не смогла сдержать усмешку.

Измученный взгляд, который он устремляет на меня в ответ, тормозит меня как наказание.

– Вот так, и... я хотела сказать... в той вазочке лежит несколько визитных карточек баров и ресторанов. В Каслданнсе есть лишь паб «Брейди», хотя кормят там очень вкус-

но, а по четвергам часто играют живую музыку. Позавтракать вы можете внизу, в столовой рядом с кухней, с половины восьмого до десяти, но я могу приготовить вам что-то и в районе одиннадцати или позднее, если предупредите накануне вечером. А если появятся еще вопросы, то, конечно же, обращайтесь в любое время, мистер Хейс.

– В любое время?

– В любое время.

– Я обязательно этим воспользуюсь, спасибо, – обещает он, и уголок его рта ползет вверх.

– Однако после полуночи вам, скорее всего, придется дольше ждать ответа.

Он прислонился к краю стола, и когда смеется, у меня впервые возникает смутное подозрение, почему Мэдисон и Шивон, а также наверняка и множество других женщин по вечерам прилипают к экранам, чтобы посмотреть «Все ради любви». В отличие от его загадочной телевизионной улыбки этот смех открытый и непосредственный, и я впервые не ожидаю, что сейчас мужчина придумает какой-нибудь ироничный ответ. В конце концов он протягивает мне правую руку.

– Не надо «мистера Хейса». Я Джош.

Рукопожатие у него крепкое и теплое, как раз такое, какое требуется, чтобы пробудить в человеке доверие. Таким вещам, видимо, учишься, если постоянно вращаешься среди людей, которым что-то от тебя нужно.

– Хорошо, тогда желаю вам отличного отдыха и...

Вибрация его мобильного заставляет меня замолчать на середине предложения. Опустив голову, он проверяет извлеченный из кармана пиджака смартфон. Несколько прядей черных волос падают ему на лоб и на светлой коже кажутся неровным узором, вырезанным на бумаге. Он небрежно печатает что-то большим пальцем, и надо заметить, что пальцы у него длинные и тонкие, а руки намного ухоженнее моих. Ему определенно делают маникюр, в то время как моя кожа благодарно вздыхает, если раз в три дня меня посещает мысль намазать руки кремом.

– Отличного отдыха и...? – повторяет Джошуа Хейс – Джош – мою последнюю фразу.

Я едва не вздрагиваю. Так сосредоточенно уставилась на его ладони, что не заметила веселого взгляда, с которым он уже вновь смотрит на меня.

– И... и...

Что бы еще я там ни хотела добавить, оно напрочь выветрилось у меня из головы, а мозг позорно бросает меня в беде, пока я умоляю его о каком-нибудь более-менее красно-речивом ответе.

– Да в общем-то и все... ну, всего хорошего!

Резко разворачиваюсь на каблуках и так быстро захлопываю за собой дверь, что первые пару секунд опасаясь, что громкий звук активирует мою мать.

Ладно.

Это был слегка неловкий побег, и я клянусь себе здесь и сейчас, что больше такого со мной не повторится. Джошуа Хейс – первая звезда, которая когда-либо переступала порог «Морских ветров», да что уж там, первая звезда, которая в принципе приблизилась к Каслданнсу, но в конце-то концов, он две недели будет жить здесь как постоялец и платить деньги. Он ожидает достойный сервис, и получит его. И при этом я не буду тарашиться на этого мужчину, хихикать или просить оставить автограф на постельном белье без молнии.

Так.

Еще несколько мгновений смотрю на закрытую дверь.

Со своими полночно-черными волосами он выглядит как один из сексуальных персонажей манги, которых постоянно рисует сестра Сиенны, а вдобавок и эти темно-синие глаза... до сих пор я даже не представляла, что такой цвет бывает у взрослых людей. Видео на YouTube даже примерно не передают красоту его очей.

В соседней комнате снова слышится смех Уиллоу, и я с легким раздражением мотаю головой.

Хватит. Вот уж не подумала бы, что однажды употреблю эпитет «сексуальный персонаж манги» в отношении кого-то из гостей. Но я выполню свою работу профессионально. А когда две недели пролетят и Джошуа Хейс отправится на маяк, то спокойно выдохну.

В половине девятого я откидываюсь на спинку дивана и выключаю компьютер. С бухгалтерией покончено. Перед этим я успела отвезти мистера Сомерсета – нового жителя маяка – на Кэйрах и забрать оттуда Элейн и грязное белье.

Если я правильно оцениваю мистера Сомерсета, его пребывание на маяке не доставит мне никаких проблем. Он предвкушает «покой, умиротворение, покой и еще раз покой». Даже тот факт, что в пятницу я заеду, чтобы пополнить запасы продуктов, похоже, вообще не входил в его планы.

– Я очень скромный человек, – заявил он.

Ну что ж, посмотрим.

– Айрин!

Мама.

Вот уж где ни капли скромности.

Судорожно подсакиваю с дивана. Чем скорее, тем меньше Уиллоу, Шейну и Джошуа Хейсу придется слышать мое имя, выкрикиваемое во весь голос. Хоть миссис О’Брайен где-то час назад ушла в «Брейди».

Я вваливаюсь в ее комнату.

– Что такое?

Она стоит у окна и очень медленно оборачивается в мою сторону.

– Подожди.

– Что?

– Подожди. И прикрой дверь, только не до конца.

– Но зачем?..

– Сейчас сама поймешь. Это прекратилось лишь потому, что я попросила тебя зайти ко мне.

Попросила? Я бы это так не назвала.

– Что ты имеешь в виду? Что прекра...

– Тшш!

Смирясь, я захлопываю рот. Вероятно, Джошуа Хейс чересчур громко разговаривал по телефону. Или Уиллоу слишком часто смеялась. А быть может, кто-то сильно хлопнул дверью в туалет. Однако в таком случае я сейчас навряд ли стояла бы здесь и дожидалась, пока вновь раздастся звук, который побеспокоил мою мать.

– Почему бы тебе просто не объяснить мне, о чем... – начинаю я спустя одну томительную минуту, но вдруг до меня доносится голос Уиллоу Скотт. Правда, она не смеется, а стонет. И даже весьма протяжно. Поскрипывание пружин матраса и намного более тихие вздохи Шейна через пару секунд дают понять, что в комнате по диагонали отсюда как минимум не произошел какой-нибудь инцидент.

Закрываю дверь, которую, как и было приказано, оставила приоткрытой на маленькую щелочку. Пружин и Шейна теперь не слышно, чего не скажешь об Уиллоу. Следующий громкий стон заставляет меня опустить взгляд на свои ноги, чтобы спрятать за волосами широкую улыбку, которая отка-

зывается сходить с моих губ.

М-да. Ну и что, простите, я должна с этим сделать?

– Это уже второй раз!

– Что-что?

– Второй раз! – агрессивно повторяет мама. – Когда ты сегодня уезжала, творилось то же самое. Целый час!

От ее тона с моего лица сползает улыбка, и я беспомощно пожимаю плечами.

– Ну не могу же я им диктовать...

– Есть же время, когда надо соблюдать тишину! – резко перебивает мама. – При таком шуме я не усну!

– Но еще даже девяти нет...

– В такое время я обычно уже сплю!

– ...и я не стану запрещать тем двоим заниматься любовью, когда им хочется.

Щеки матери наливаются багровым цветом, от гнева или от смущения, сказать сложно.

– Это... недопустимо!

– Мам, – примирительно начинаю я, – может, ты все-таки решишь переехать в комнату под крышей? Там бы тебе...

– Я ведь уже сказала, что это не обсуждается! На такой крутой лестнице я себе шею сломаю! И кроме того... – особенно громкий и долгий стон прерывает ее фразу, – ...и кроме того, эти... эти... завывания я и там точно буду слышать!

Как ни крути, а исключать такой вариант нельзя.

Межкомнатные стены не очень толстые, шумы такого ха-

рактера случаются, однако те, кто их создает, как правило, стараются сохранять определенную сдержанность. Уиллоу же в этом вопросе довольно раскована, и я пытаюсь не прислушиваться, когда между все более сильными стонами она распаляет своего партнера словами.

– Могу принести тебе беруши. – Я приобрела их две недели назад, после того как мама, не умолкая, жаловалась на одного гостя, у которого имелась привычка петь в душе. При чем даже весьма неплохо. Пользоваться ими мама не стала по той причине, что якобы чувствует дискомфорт в ушах.

– Ладно, – тем не менее лаконично соглашается она, – будь добра.

Недовольная, она отворачивается к окну, а я отправляюсь за берушами, прежде чем ей взбредет в голову постучаться в дверь к Уиллоу и Шейну.

В тот момент, когда я выскальзываю из комнаты, а Уиллоу в нескольких метрах от меня достигает какой-то невероятной кульминации, в коридор выходит Джош. Наши взгляды встречаются, пока помещение наполняют хриплые возгласы: «Шейн! Шейн! Шейн!»

Стоять при этом напротив мамы – это одно дело, но вот перед Джошуа Хейсом... у меня внезапно возникает ощущение, будто я хозяйка мотеля и сдаю номера на час.

– Привет... эмм, ну... надеюсь, ты доволен своей комнатой?

Я что, сейчас действительно это произнесла? При дру-

гих обстоятельствах предложение показалось бы совершенно безобидным, но на фоне окружающих нас звуков становится в некотором роде неприличным.

– Я имела в виду... если тебе что-то понадобится...

Мне хочется просто зажмуриться. Все лучше и лучше.

– Возможно, пара коробок из-под яиц?

– Что, прости?

– Потрясающая звукоизоляция, – замечает он со смертельной серьезностью.

Я не сдерживаю улыбку. Очень мило с его стороны не воспользоваться моей неудачной фразой, чтобы вернуть нечто двусмысленное.

– Где раздобыть их прямо сейчас, я, к сожалению, не знаю, но могу предложить беруши.

– Думаю, лучше я пойду поем. Может, у тебя есть настроение присоединиться?

– Спасибо, но...

Но что? Я должна еще что-то отмывать? Убираться? Организовывать? Нет, на сегодня я все закончила. Так почему бы и нет? Другие женщины были бы готовы отодвинуть на задний план всяких Генри и Эйданов, чтобы в этот миг оказаться на моем месте. И я заслужила небольшой перерыв.

– Нет, забудь. С удовольствием. Дай мне десять минут.

Пока я быстро поднимаюсь по лестнице в мансарду, лишь на задворках сознания допускаю мысль, что собираюсь пойти в «Брейди» с парнем, которого, в общем-то, абсолют-

но не знаю. Просмотр отрывочных моментов его жизни на YouTube зародил во мне какое-то странно обманчивое чувство доверия, а Джош наверняка не привык бывать где-то один.

Откровенно говоря, мне довольно любопытно, какую реакцию он вызовет среди посетителей паба. Судя по Мэдисон и Шивон, это точно будет увлекательно!

* * *

Джош ждет в коридоре внизу, когда вскоре я сбегаю вниз по ступеням. Я надела черный топ, который, по словам Лив, особенно мне идет, а еще второпях выдавила на ладонь немного пенки для укладки и прошла по волосам. Предположив, что сейчас в «Брейди» толпа женщин постарается презентовать себя с наилучшей стороны, даже если о свидании и речи не идет, я не хочу казаться рядом с ними облезлой в своей светло-серой, слегка застиранной футболке, в которой красовалась буквально десять минут назад.

Пока я снимаю куртку с крючка в гардеробе, Джош открывает передо мной дверь. На нем снова серый пиджак и темные джинсы, под пиджаком – черная футболка, и этот простой, классически небрежный стиль только подчеркивает его красоту. С улыбкой я беру его под руку, когда он мне ее предлагает. Вечер в компании ВИП-персоны начинается хорошо. Джош может и дальше продолжать вести себя так

же галантно.

– Итак, куда идти? – спрашивает он, остановившись перед дверью, и я тяну его налево.

– Вниз по этой улице до стены у берега, а там почти на месте.

– Звучит сложно. Надеюсь, ты ориентируешься в джунглях этого мегаполиса.

Засмеявшись, я отвечаю:

– Положись на меня.

– Придется. Все-таки ночью ты можешь придушить меня подушкой.

– Даже сразу двумя подушками, если у меня появится такое желание.

Этот ответ заставляет его широко ухмыльнуться.

– Значит, сегодня ночью я лучше подопру дверную ручку стулом.

– Если так ты будешь чувствовать себя в безопасности, – реагирую я с напускной серьезностью. – Тогда еще советую тебе проверять по утрам свой чай... или ты пьешь кофе?

– Чай. По утрам всегда и в любом случае чай. И я уверен, как он должен пахнуть и каким быть на вкус, так что сразу забудь про чайное покусение.

На полпути мы встречаем миссис О’Брайен, которая бросает на Джошуа удивленный взгляд в духе «я же его знаю», тем не менее вскользь отвечая на наше приветствие.

Хотя перед уходом в своей комнате я на целую секунду

задумалась, о чем мне вообще разговаривать с Джошуа Хейсом, страх испаряется мгновенно. Этот парень – шоумен... а я все же привыкла болтать со своими постояльцами. Наша перебранка не прекращается, когда мы добираемся до «Брейди» и я отвожу в сторону занавеску перед входом в зал. И только после того, как вокруг нас становится заметно тише, до меня доходит, с кем именно я сейчас пытаюсь разглядеть среди столов свободное место. Для большинства присутствующих здесь Джош однозначно не незнакомец. Нас преследуют взгляды, кто-то смотрит украдкой, а кто-то – практически не таясь. И опускаясь за пустой столик, я впервые в жизни ощущаю, что на меня не скрываясь пялятся большое количество людей. Да уж. Легко болтать со знаменитым Джошуа Хейсом. Однако вот это уже меня нервирует.

Джош, напротив, кажется, вообще не обращает на это внимания.

– Заказ здесь нужно делать в баре?

– Нет, если сидишь за столиком. Сиенна или Меган должны через пару секунд...

– Привет, Айрин! – Сиенна с почти восторженной для ее привычного образа улыбкой вырастает рядом с нами. – Привет, я Сиенна, – обращается она к Джошу, – уже решили, что будете пить?

– Привет, Сиенна. – Джош отвечает на ее улыбку, и на краткий миг она словно замирает на середине движения. Я с усмешкой облакачиваюсь на спинку стула. Позавчера Си-

енна, в отличие от Мэдисон, не выглядела слишком уж восхищенной Джошуа Хейсом, но я готова поспорить, что в течение следующих пары минут это изменится.

– Я бы хотел красного вина, мерло, наверное. – Джош поворачивается ко мне: – Возьмем бутылку?

– Лучше я пока выпью просто воды. И можешь принести нам меню, Сиенна?

– Конечно! Сейчас вернусь. Все равно бутылку?

– Спасибо, но тогда достаточно бокала.

В первую очередь Сиенна дает нам меню, затем возвращается с вином и моей водой, быстро записывает наши заказы и с последней улыбкой в сторону Джоша вновь удаляется. А когда еще раз оглядывается на нас и замечает, что я смотрю ей вслед, ухмыльнувшись, показывает мне язык.

– Особое рагу? – спрашивает Джош. – Такого в меню не было, что это?

– Всего лишь вегетарианское рагу, – поясняю я. – Я не ем мясо.

– Рыбу тоже?

Я закатываю глаза, а он смеется.

– Просто пошутил. У меня сестра вегетарианка, и от нее я в курсе, как бесит эта фраза. Разумеется, сам я изредка ем мясо.

– А если ешь, то органическое, – добавляю я.

– Только так. От мясника, которому доверяю.

– Естественно. Я поняла. Мясо же тоже необходимо. Из-

за клыков и все такое.

– Совершенно верно! Мне прочитать лекцию о том, как бесит, когда вегетарианцы читают тебе лекции?

Прежде чем я успеваю как-нибудь отреагировать, меня перебивает Эбби:

– Извините?

На Эбби часто можно наткнуться в «Брейди» и редко с одним и тем же парнем. Она стройная блондинка с длинными волосами и чем-то напоминает фею Динь-Динь². Несмотря на то что вечно окружена компанией, похоже, она ни с кем по-настоящему не близка и бывает нереально своенравной.

Возле нее стоит ее подружка Эмили, у обеих в руках смартфоны.

– Я Эбби, а это Эмили.

Эмили на этих словах заливается алой краской, Эбигейл же, наоборот, так же самоуверенна, как всегда.

– Можно нам с вами сфотографироваться? Мы так любим ваше шоу!

Джош оборачивается к ним. Я беру свой стакан. Скорее всего, это займет несколько минут.

– Привет, Эбби. При обычных обстоятельствах я бы с удовольствием – рад, что вам нравится моя передача. Но когда я не один, то так не делаю.

Радость Эбби чуть меркнет.

– Я пробуду тут еще две недели, в следующий раз, ладно?

² Персонаж повести Дж. Барри «Питер и Венди» о Питере Пэне.

– Ладно. – Эбигейл просто не может не ответить на ухмылку Джоша. – Но за это мы еще пригласим вас выпить.

И то, что после подобного заявления Джош смотрит на нее с интересом, заставляет Эбигейл встать в позу: одна рука ложится на бедро, вторая отбрасывает назад длинные волосы.

– Посмотрим, – произносит он уклончиво, но не грубо, и Эбби с подругой уходят.

– Ты мог спокойно сделать пару снимков. Мне бы это не помешало, – уверяю я, когда девушки покидают зону слышимости.

– А мне помешало бы. Стоит начать фотографироваться с одним, внезапно подтягиваются десять других. А я хочу поужинать с тобой, а не устраивать фотосессию.

– А то, что при этом тебя снимают люди как минимум с двух столиков, тебе не мешает?

Мне по крайней мере мешает. Женщина за столом слева перед сценой подняла и высоко держит телефон, с тех пор как мы с Джошем сели.

– Мне все равно. Если бы меня беспокоили такие вещи, можно было бы в принципе перестать выходить из дома. Просто не смотри.

Последовав совету Джоша, я ограничиваюсь тем, что направляю взгляд только на него, когда он рассказывает, как однажды какая-то женщина со смартфоном шла за ним до самого мужского туалета. В нем просыпается актер, и Джошуа изображает, насколько его это шокировало. А на той ча-

сти, в которой он спасся от преследовательницы в кабине, но не мог писать, опасаясь, что женщина запишет звук и выложит на «YouTube», я смеюсь так громко, что Сиенна, как раз принесшая наши тарелки, с любопытством косится на меня.

После еды мы просим по «Гиннессу», однако до того, как Сиенна выполняет заказ, перед нами уже стоит кто-то еще, и Джош второй раз отказывается от совместного фото. Когда выпив напоследок виски, мы покидаем паб, обнаруживаем нового преследователя: Мими Фитцджеральд. В «Брейди» я ее совсем не заметила.

Обычно Мими в своем магазинчике всяких мелочей способна часами трещать о свежих сплетнях абсолютно с каждым, теперь же ей едва удастся выдать полноценное предложение, так сильно она нервничает.

– Здравствуй, Айрин, – приветствует она, чуть ли не затаив дыхание. – Я даже не знала... то есть я так обрадовалась... я смотрю все ваши программы, мистер Хейс! – наконец подбирается она к сути. – И для меня было бы большой честью... я имею в виду... ну... вы не будете против, если я вас сфотографирую?

Джош бросает взгляд на меня. Кивнув, я делаю шаг в сторону. Во-первых, мне нравится Мими, а во-вторых, она ни за что мне не простит, если из-за меня Джош откажет ей в этой просьбе.

Дрожащей рукой Мими настраивает камеру мобильного.

Проходит какое-то время, пока она не приобретает довольный вид и с улыбкой не опускает телефон.

– Огромное спасибо, мистер Хейс. Я... ну...

– Мне сфотографировать вас вдвоем, Мими? – предлагаю я, и у Мими немного расширяются глаза.

– Если это не будет слишком нагло... – неуверенно выговаривает она и тает на глазах, когда Джош смотрит на нее сияющим взглядом.

– Нет, ни в коем случае нет.

Как и мне в начале вечера, он предлагает Мими локоть. Она почти кокетливо за него цепляется и еще раз проводит ладонью по волосам, приглаживая седые кудряшки. Я делаю примерно десять снимков в надежде, что в тусклом свете уличных фонарей получится хотя бы один из них. Мими, напротив, едва сама не светится, когда я снова отдаю ей смартфон.

– Спасибо большое! – В восторге она прижимает телефон к груди. – Я могла бы и вас сфотографировать вместе, Айрин, хотите?

Только я открываю рот, чтобы вежливо отказаться, как Джош обвивает рукой мою талию.

– С удовольствием! – А в ответ на мое удивленное лицо прибавляет: – У меня ведь тоже должны остаться воспоминания.

И вновь Мими очень старается; прищурившись, отступает чуть-чуть назад, лишь чтобы в следующий миг снова шаг-

нуть к нам. С каждой пролетающей секундой я все сильнее ощущаю близость Джоша, он излучает тепло, к которому я неосознанно льну, а когда Мими наконец заканчивает, тут же снова создаю между нами небольшое расстояние.

– Утром я сразу пришлю тебе фото, Айрин, – объявляет Мими и аккуратно прячет телефон в черную кожаную сумочку, болтающуюся у нее на плече. – Еще раз большое спасибо, мистер Хейс, вы были очень любезны. Я настоящая фанатка вашего шоу. Только ваша ассистентка... у этой девушки нет одежды поприличней?

Джошуа кусает губы, чтобы скрыть смех.

Вскоре после этого мы наблюдаем, как она, счастливая, семенит вперед, и медленно следуем за ней, держась в отдалении.

Завернув направо, на улицу, где располагаются «Морские ветры», Джошуа произносит:

– Маловероятно, что эта старушка выложит фотки на какой-нибудь сайт, или нет?

– Мими? У Мими с интернетом примерно как у тебя с вязанием.

– Я потрясающе умею связывать.

– Ты даже не понял, о чем я.

– Кое о чем неприличном.

Я хохочу, а Джош ухмыляется.

– Просто не хочу, чтобы из-за этого у тебя возникли проблемы с парнем. – Он опять возвращается к сути разговора. –

Прости, я совсем об этом не подумал. Если та фотография попадет в лапы к репортерам, нам тут же припишут роман.

– Во-первых, я могла бы отказаться, если бы из-за этого у меня возникли проблемы с парнем, во-вторых, не представляю, почему из-за этого должны быть проблемы с парнем, а в-третьих – у меня вообще нет парня.

– Нет?

Ощущаю на себе взгляд Джоша и упрямо смотрю вперед.

– Нет.

– А.

Пару метров мы молча идем рядом.

– А я был бы готов поспорить, что есть.

– Почему?

– Ну... Каслданнс – маленькая деревушка и...

– ...и ты решил, что мы, чудной деревенский народ, договариваемся о браках еще до рождения детей?

– Нет! – моментально отрицает он, а потом смеется.

Мне нравится, как он смеется. Как он улыбается, мне тоже нравится, но смех все же больше.

– Просто я считал, что в таких местах все друг друга знают и что все как-то... быстрее срастается... и... ну...

– Да?

– Я несу чепуху. Неверно, мне просто казалось, что такая девушка, как ты, сто процентов не может быть одна.

– Спасибо.

– Не за что. Так почему нет?

– Что?

– Почему одна?

Я немного неловко пожимаю плечами. До сих пор вечер шел прекрасно, но мы не так хорошо знакомы с Джошем, чтобы беседовать о том, почему я не состою в отношениях. И тем более о том, что иногда одиночество меня просто убивает. Особенно по ночам, часа в три.

– Ну, ты ведь тоже, – уклоняюсь я.

– С чего ты взяла?

– Так утверждает моя подруга Мэдисон, а она знает о тебе все, – выдаю прежде, чем мне в голову приходит, что эта фраза, вероятно, покажется Джошу странной.

– Твоя подруга Мэдисон права, – заявляет он. – У меня просто не хватает времени на такие вещи. А у тебя какая причина? Тоже недостаток времени?

– Нет, скорее... я не могу встречаться лишь бы с кем-нибудь.

– Естественно нет.

– А того самого я все еще не встретила. – За непринужденным тоном таится тот факт, что эта тема почему-то заставляет меня чувствовать себя непривычно уязвимой, и чтобы замаскировать эту уязвимость даже перед самой собой, я легкомысленно добавляю: – Идеальные мужчины на дороге не валяются.

– Возможно, он не обязан быть таким уж идеальным.

– А как же, обязан! Как минимум. – За этот ответ Джошу

следует поблагодарить последний выпитый мной бокал виски. И за то, что у меня вырывается дальше, тоже. – Видимо, мне надо было подать заявку в шоу по поиску пары, которое ты вел.

– М-да, если бы ты так сделала, то уже была вместе с мистером Идеальным.

– Да, чуть-чуть удачи – и кто знает? – отвечаю я и широко ему улыбаюсь.

Джош приподнимает одну бровь.

– К удаче это не имело бы вообще никакого отношения.

– Нет?

– Эй, это же была моя программа, и я всегда подбирал правильных людей.

– Ну конечно, – подтруниваю над ним. – А также это не имеет никакого отношения к предварительному выбору, сделанному кем-то другим, и совершенно ничего из этого не обсуждалось заранее.

– Абсолютно верно. Лишь судьба и моя рука помощи.

Вот теперь я по-настоящему хохочу.

– Не веришь? – тут же говорит он. – Очень многие из тех пар до сих пор не расстались.

– Да, разумеется, – соглашаюсь я, продолжая хихикать. – Они присылают тебе открытки на Рождество?

– Во-первых, да, а во-вторых, некоторые даже назвали в честь меня своих детей.

– Я знаю собаку по кличке Джоши, ее хозяев тоже ты свел?

– Может быть.

Все еще смеясь, доходим до «Морских ветров», и когда открываю дверь и мы останавливаемся друг напротив друга в коридоре, я в приподнятом настроении поворачиваюсь к нему. Это был действительно восхитительный вечер.

– Это был действительно восхитительный вечер, – замечает Джош, и я ненадолго теряюсь, так как весьма странно слышать, как он говорит то, о чем я только что подумала. – Спокойной ночи. – На мгновение он накрывает своей ладонью мою руку, и в эту секунду я осознаю, что Джош – не только Джошуа Хейс, а кроме того, просто мужчина, который мне очень нравится.

– Спокойной ночи, – отвечаю немного резко, – сладких снов.

– И тебе. А где именно ты спишь, кстати?

– В мансарде.

На это он лишь вновь посылает мне улыбку и поднимается по лестнице. Я дожидаюсь, пока не закроется дверь в его номер, прежде чем отправиться следом.

Действительно восхитительный вечер, да, так и есть.

Я чувствую себя необычайно легко, входя в свою комнату. И продолжаю видеть перед собой Джоша, стоящего возле меня в коридоре. Не сложно мыслями перенестись обратно в этот вечер. Смущает лишь, что представляя то, как через пару недель Джош вновь исчезнет в своем мире шоу-бизнеса, я ощущаю почти незаметное, но болезненное покалыва-

ние внутри.

Мэдисон и Шивон наверняка будут хохотать, если рассказать им, что после сегодняшнего вечера я могу разделить их одержимость Джошуа Хейсом. Вероятно, в скором времени я даже периодически буду поглядывать его ужасную передачу. Из-за воспоминаний об одном восхитительном вечере. По-настоящему восхитительном.

На следующее утро мама откровенно мне грубит. Сначала удивляюсь, а потом соображаю, что вчера забыла принести ей дурацкие беруши. Когда мы с Джошем вернулись, в доме царила тишина, и мне остается надеяться, что кислый взгляд матери связан с моей оплошностью, а не с тем, что Уиллоу и Шейн еще несколько часов не давали ей спать. Сегодня надо обязательно положить эти штучки ей в комнату.

Интересно, миссис О'Брайен тоже мешали те звуки?

Во всяком случае, когда я приближаюсь к столу, она не выглядит недовольной, и только секунду спустя проясняется почему.

– Вы не знаете, есть ли здесь какой-нибудь магазинчик, где я могла бы купить новые батарейки для слухового аппарата? – спрашивает она, ответив на мое пожелание доброго утра намного громче, чем следует. – Еще вчера это заметила, и, к сожалению, без аппарата я не очень хорошо слышу.

В лавочке у Мими Фитцджеральд, помимо всего прочего, можно подобрать и батарейки к любому мыслимому устройству для повседневной жизни.

– Думаю, я найду их для вас, – произношу я так же громко. – Дадите мне разряженные?

– Конечно. Огромное спасибо, это очень мило с вашей стороны.

Миссис О'Брайен просит на завтрак черный чай, и пару минут спустя я ставлю заварочный чайничек рядом с ее подставкой для тостов. В этот момент, смеясь, болтая и держась за руки, в столовую входят Уиллоу и Шейн. Слава богу, ледяных маминых взглядов они не замечают.

– Доброе утро, – приветствую я обоих, снова направляясь на кухню. – Что будете пить: чай, кофе, какао?

– Я возьму какао, – объявляет Уиллоу, – горячий.

Последнее слово адресовано скорее ее парню, а не мне, и у Шейна незамедлительно краснеют уши, а Уиллоу начинает хихикать.

Боже ты мой, они такие лапочки.

– Кофе, пожалуйста, – говорит Шейн и уводит подружку к одному из свободных столов.

То, что Джош не ранняя пташка, между строк читалось еще в электронном письме его агентства, поэтому меня не удивляет, что он спускается практически в десять часов. К этому моменту в столовой задерживается лишь сладкая парочка, хотя они уже давно позавтракали. Пока Джош идет к последнему накрытому и еще нетронутому столу, взглядом его провожаю не я одна. Уиллоу так резко теряет дар речи, что Шейн, сидящий спиной к двери, через несколько секунд в недоумении оглядывается, пытаюсь понять, на кого пялится его девушка. Ему требуется мгновение, чтобы справиться с потрясением, затем он хватается Уиллоу за руку и поднимает ее из-за стола. Уиллоу наконец захлопывает рот. Проходя

мимо, Шейн кивает мне, после чего они скрываются в коридоре, ведущем к лестнице.

«На твоём месте я поступила бы точно так же, – думаю я. – Лучше уводи свою подружку подальше от ауры Джошуа Хейса». А тот тем временем уже усаживается и задумчиво смотрит в окно, судя по всему, вообще не обратив внимания на поспешный уход влюбленных.

Откашлявшись и одернув футболку над джинсами, я стараюсь изобразить равнодушно-приветливое выражение лица, которое резко контрастирует с моим участившимся пульсом.

– Доброе утро. Надеюсь, тебе хорошо спалось?

Он дарит мне улыбку.

– Замечательно, спасибо. – Потом кивает в сторону сада за окном. – Выглядит очень красиво, там, снаружи.

Частично поменявшие цвет листья на сучковатых фруктовых деревьях светятся в лучах утреннего солнца. На яблоне висят широкие деревянные качели, на которых мы с Сюзанной раньше взлетали ввысь; веревки я поменяла только в прошлом году, чтобы с доверчиво присевшими поката́ться гостями не случился неприятный сюрприз. На клумбах, разбитых перед кустами по периметру сада, цветут красные осенние астры и желтые, белые и розовые георгины. В это время года он превращается в настоящую разноцветную фантазию.

– В сад можно попасть через кухню. Чуть подальше, у смо-

родиновых кустов, есть скамейка и стол. Если хочешь, угощайся яблоками и вишней.

– Осмотрюсь там попозже.

– Ты говорил, что любишь чай. Какой-то определенный сорт?

– Черный. «Эрл грей» найдется?

– Конечно.

– Я тут подумал, – тут же добавляет он, и я замираю, не успев развернуться, чтобы быстренько ретироваться к двери.

– Ага?

– Да. О том, что ты вчера сказала по пути домой. Мне кажется, ты неправа.

– В чем?

– В том, что еще не встретила того самого. Держу пари, что здесь есть человек, который идеально бы тебе подошел. Возможно, ты уже где-нибудь с ним сталкивалась. А может, вы с ним даже общались.

Таращусь на Джоша в попытке разобраться, не продолжение ли это наших вчерашних взаимных подтруниваний и надо ли на этом месте засмеяться.

– Я бы сказала, что об этом судить скорее мне, чем тебе, – в результате дружелюбным тоном произношу я.

– У меня появилась идея. – Джош пропускает мое возражение мимо ушей. – Спорим, за следующие три недели я подберу тебе идеального мужчину?

– Что, прости?

– Ручаюсь, что у меня получится найти для тебя того самого, – повторяет он, самоуверенно облакачиваясь на спинку стула, и даже близко не выглядит так, словно только что сделал мне совершенно абсурдное предложение.

– Принесу-ка я тебе чаю.

На кухне завариваю чай и включаю плиту, чтобы пожарить шампиньоны и потушить фасоль. А фраза Джоша тем временем выполняет безумные сальто в моей черепной коробке. Меньше чем через десять минут приношу ему на подносе завтрак. Пиалу с манго, ананасом и апельсинами я туда тоже пристроила.

– С чего ты вообще взял, что мне нужен мужчина? – продолжаю разговор с того пункта, на котором его оборвала. – Может, я из тех женщин, которые с парой-тройкой кошек и в кресле-качалке чувствуют себя гораздо счастливей?

Джош косится на пиалу с фруктами, но затем вновь переключает внимание на меня.

– До сих пор я не заметил тут ни одной кошки.

– Они все в саду.

– Если я выиграю, ты со своим «тем самым» примешь участие в моем шоу.

– Ни за что!

– А если проиграю – чего не произойдет, – можешь сама выбрать ставку.

– Тогда ты должен будешь... – Минуточку. Я ни за что на свете не соглашусь на эту дикую авантюру.

Джош неторопливо накалывает на вилку кусочек манго.

– Как... – Понимаю, не стоит задавать этот вопрос, но я стораю от любопытства. – Как это будет происходить?

– Пока не знаю.

– Я не хочу, чтобы ты постил что-то обо мне в интернете.

– Хорошо.

– И еще я не хочу, чтобы ты показывал мою фотографию всем подряд.

– Хорошо.

– И не буду встречаться одна с незнакомыми парнями.

– Хорошо.

– А как ты тогда в принципе собираешься... ай, не важно.

Я не буду в этом участвовать! – кратко и решительно заявляю я и сбегая на кухню. Разве можно быть настолько глупой и повестись на подобную чушь? Доверить такому, как Джош, объявить что-то вроде кастинга на шоу «Кто пойдет на суперсвидание?», чтобы весь Каслданнс объединился и поднял меня на смех.

Не-а.

Пусть сразу забудет.

Однако факт, что я никак не могу перестать спрашивать себя, что он придумал, заставляет меня хлопнуть дверцей посудомоечной машины куда сильнее, чем нужно. Лучше всего было бы обсудить это с подругами, но мне не хочется дергать Лив, ведь со вчерашнего дня она в Дублине, оценивает потенциальных соседок Кьера, а Сиенна наверняка еще

не вставала с постели. «Брейди» закрывается около двух часов ночи, а по выходным Эмми в большинстве случаев ночует у младшей сестры Сиенны, Пиппы, в соседней квартире, чтобы Нилл с Сиенной выспались.

Я как раз прикидываю, не рискнуть ли снова высунуть нос в столовую, чтобы убрать за Уиллоу и Шейном, как вдруг слышу их шаги на лестнице. Они спускаются вниз и ненадолго задерживаются в прихожей попрощаться со мной.

– Мы хотим сегодня отправиться на водопад Торк, – сообщает Уиллоу и поправляет рюкзак.

– В Национальный парк Килларни, – зачем-то прибавляет Шейн.

– Повеселитесь там! – отвечаю я. – С погодой вам повезло.

С ней в последние несколько дней всем повезло, уже довольно давно не шел дождь, вместо него на удивление часто светит солнце. Я неожиданно решаю закончить со столовой позже, а сейчас предпринять очередную попытку выманить мать из комнаты. Возможно, под таким ослепительно сияющим солнышком она согласится сходить со мной на пляж.

Пару минут спустя я уже не понимаю, почему не предпочла вернуться в столовую.

– Я не одна из твоих постояльцев, Айрин, – язвительно выговаривает мама. – Можешь не беседовать со мной о погоде.

– Просто мне пришло в голову... у тебя нет желания немного со мной прогуляться?

– Я дам тебе знать, если оно появится.

На самом деле она не всегда была такой сварливой, нет.

Черт, верните мне мою маму.

– Ладно, забудь, – сдаюсь, стараясь скрыть нотки усталости в голосе. – Тебе что-нибудь нужно?

– Свежие полотенца, – сразу реагирует она.

Кстати о том, что она не одна из моих постояльцев.

Удержавшись от колкого комментария, оставляю хозяйку сидеть в кресле и ухожу вниз, чтобы первым делом убрать посуду после завтрака.

Джоша в столовой уже нет, и пока я автоматически делаю все, что требуется на первом этаже, мысли неотрывно вращаются вокруг его сумасшедшей идеи. До момента, когда несколько тарелок едва не выскальзывают у меня из рук, после чего я вынуждаю себя сконцентрироваться на работе.

Через четверть часа вновь поднимаюсь наверх, чтобы сначала заняться номером миссис О'Брайен, а затем – Шейна и Уиллоу. У пожилой леди убирать фактически нечего, она даже тщательно разгладила простыни у себя на кровати и взбила подушки. Не больше пары минут трачу на то, чтобы еще раз все перепроверить и опустошить корзину для мусора под столом.

В следующей комнате все выглядит совсем иначе. На мгновение я чувствую себя матерью Уиллоу и Шейна, несмотря на то что вряд ли старше этих двоих.

Постельное белье валяется на полу, коврик съехал куда-то

вбок, на стуле перед письменным столом висят сырые полотенца, и когда я их собираю, оттуда выпадает несколько надорванных упаковок от презервативов. Мусорное ведро меняю, не заглядывая внутрь. Надеюсь, они хоты бы крепко завязали эти штуки.

В ванной скидываю мокрое белье в специально приготовленную для него корзину, туда же кладу мамины полотенца и почти заканчиваю чистить обе раковины, когда раздается стук в открытую дверь.

– Да?

Джош просовывает голову внутрь.

– В моей комнате убираться не надо.

– Хорошо. Просто повесь на ручку табличку «Не беспокоить», прежде чем уйти.

Идеально. Ни единым словом не выдаю, что с самого завтрака едва не довела себя до безумия из-за этого мужчины и его идиотской идеи.

Джош кивает, а секунд через тридцать слышно, как он сбегает вниз по ступенькам.

Хотя только что я намеревалась взять свежие полотенца и разложить их на полках, а затем помыть пол в ванной, но теперь хватаюсь за телефон и вместе с ним передислоцируюсь в гостиную, чтобы позвонить Лив. Лучше всего, конечно, в саду, но как знать, кто из гостей во сколько вернется и не услышит ли мой разговор?

После третьего гудка Лив берет трубку.

– Привет, Айрин!

– Привет, Лив. Не мешаю?

– Нет, нисколько. Кьер проиграл в «Камень, ножницы, бумагу» и пошел в булочную, а мне пора бы наконец вставать.

Устраиваюсь поудобнее на диванных подушках.

– Как у вас дела? Как поиск соседки?

Лив издает сухой смешок.

– Все в точности как я и ожидала. Вчера тут было семь человек: два парня и пять девушек.

– Пятеро из семи? И кто же проводит предварительный отбор?

– Адам. При поддержке Олли.

– А Кьер?

– Сказал, что воздержится.

– Чего это вдруг?

– Потому что ему наплевать. Кьер говорит, что единственная, кого бы он хотел видеть в соседней комнате, не потянет дополнительную плату, и как назло, он прав. – Лив вздыхает. – А я пока размышляю, каким образом это осуществить.

– Почему так резко?

– Потому что в числе основных претендентов на победу две кандидатки: одна выглядит как «Мисс Вселенная», а вторая – как Эбби, только еще выше и навязчивее.

– Ты преувеличиваешь.

– Только в том, что касается «Мисс Вселенной». Возмож-

но, она всего лишь «Мисс мира».

– Лив! – смеюсь я. – Какая разница, как она выглядит... мне даже представить себе трудно, чтобы Кьер хоть немного ей заинтересовался.

– Может, и так, но вот копия Эбби заинтересовалась Кьером. И это настолько очевидно, что в какой-то момент у него не получалось делать вид, что он ничего не замечает.

– И что она делала?

– Поначалу ловко флиртовала с Адамом и Олли, среди прочего упомянула, что работает в модельном агентстве, и уточнила, помешает ли кому-то, если она время от времени будет приводить к себе подружек? После этих слов на лбу у Адама большими буквами засветилось «КОМНАТА ТВОЯ».

– А дальше?

– Дальше Адам заявил, что для него вопрос, кому сдать комнату, по сути, решен, после чего Олли утащил его на кухню, чтобы там еще раз обсудить «Мисс Вселенную», полагаю. А эта Сэди – так ее зовут, кстати – начала расспрашивать Кьера, что он изучает и чем можно заняться в Дублине, поделилась, что с радостью бы выбиралась из общежития, и все в том же духе, а знаешь, что она сделала потом?

– Уселась к нему на колени?

– Не прямо так. Просто спросила, что он делает по вечерам и не покажет ли ей как-нибудь Дублин. Якобы она только недавно сюда переехала и порой чувствует себя одиноко.

– А Кьер?

– Кьер уставился на нее тем взглядом, который, к сожалению, не умеет выключать, прежде чем сказать, что у него уже есть планы, а именно со своей девушкой. И при этом посмотрел на меня, и эта Сэди – впервые, если что – тоже повернулась ко мне, и знаешь, что сказала потом?

– Что?

– Она заявила: «Ой, вот блин, а я-то надеялась, что ты не с ним». А дальше спросила, живу ли и я тут, а когда я ответила, что нет, она разулыбалась во весь рот!

– Да ладно...

– Она настоящая Эбби, – мрачно заключает Лив.

– Кьер покончил со всеми Эбби на свете.

– Понимаю, но с нее станется ночью случайно ошибиться и зайти в чужую комнату. Голой.

– Тогда пусть Кьер наложит на нее вето, когда ребята будут выбирать.

– И тогда вместо нее въедет «Мисс Вселенная» или любая другая и, Айрин, ты же знаешь Кьера, если они не приведут девушку, которая полностью отреклась от парней, у нее при любом раскладе снесет от него крышу.

– Да уж, вероятность высока, – признаю я. Кьер и Джош в этом отношении не сильно друг от друга отличаются.

– Мне это не нравится, – печально произносит Лив. – И дело правда не в том, что я не доверяю Кьеру, но несмотря ни на что, это тупое ощущение никуда не уходит.

– Ты могла бы настоять на том, чтобы они нашли соседа-парня.

– Могла бы, наверное, но кардинально от этого ничего не изменится. Эффект, который Кьер оказывает на противоположный пол, меня и в Каслданнсе напрягал, а уж здесь, в Дублине... а мы к тому же иногда не видимся по неделе, а то и по две. Прямо сейчас я вообще не хочу возвращаться.

– Поговори об этом с Кьером.

– Да, стоило бы. Но я не хочу, чтобы он посчитал меня ревнивой или истеричкой. Он же действительно ничего не делает. А я вряд ли имею право требовать, чтобы он разгуливал по округе с пакетом на голове.

Представив себе эту картину, я едва не прыскаю от смеха, но сдерживаюсь, поскольку в шутке Лив есть доля правды.

– Я бы в любом случае поговорила с Кьером, Лив, – повторяю я. – Какое-нибудь решение, кроме пакета, точно найдется.

– Тебе приходит в голову хоть одно?

– Я об этом подумую.

– Подумай, – просит Лив, тихонько вздыхая. – И я подумую. А у тебя там как дела?

Я на миг прикрываю глаза.

– Давай представим, что Джошуа Хейс предложил подобрать тебе идеального мужчину. Ты бы на это согласилась?

Тишина. А затем:

– Что, прости?

– Вот и я так сказала.

– Еще раз с самого начала. Что хочет Джошуа Хейс?

Проходит какое-то время, пока я рассказываю Лив, как дошло до этого сумасшедшего предложения, а когда выкладываю все до конца, слышу, как она широко улыбается, произнося следующую фразу:

– Позволь ему это сделать!

– Серьезно?

– Ну конечно! Почему нет? Есть тысяча аргументов «за».

– Назови хотя бы три.

– Во-первых, он определенно устроит из этого что-нибудь забавное, во-вторых, ты в любой момент можешь пойти на попятную, а в-третьих, за десять минут ты раз сто произнесла его имя.

Последнее наблюдение Лив заставляет меня на пару секунд задержать дыхание.

– Ну, да, иначе как бы я объяснила, с чего он...

– И говорила ты это примерно так: «Джош...» – Его имя Лив буквально выдыхает.

– Я так не делала.

– Делала.

– Нет.

– Почти.

– Лив...

– Айрин, ну что такого случится? Просто скажи, что хочешь быть в курсе того, что конкретно он планирует, прежде

чем станешь в этом участвовать.

– Не знаю...

– И у меня для тебя четвертая причина.

– Какая?

– Ну, если уж ты якобы не говорила: «Джош»... Не задумывалась, что всю эту историю он придумал, чтобы самому сходить с тобой на свидание?

– Лив, это было бы причиной, если бы он меня в принципе интересовал, тем более что и ему это явно не нужно.

– Да ладно, мне кажется, он тебя увидел и потерял голову, а теперь хочет выглядеть оригинальным, когда представит в качестве потенциального кандидата себя самого.

Слова подруги пробуждают что-то глубоко внутри меня, но я быстро закапываю это чувство еще глубже. Не хватало только встречаться с парнем, который исчезнет через три недели. Да еще чтобы в итоге он мне понравился.

– Лив, это полный абсурд. Даже если и нет. Может, спросишь, интересуется ли меня это вообще?

– Тебя это вообще интересуется?

– Нет.

Лив хохочет.

– Когда приедешь, я вас познакомлю, и ты сама поймешь, что он всего лишь хочет развлечься и я там далеко не на первом месте, – произношу так решительно, что Лив ни за что бы не заметила, что к такому выводу я пришла только несколько секунд назад.

– Ну и все-таки... что ты теряешь?

– Кроме чувства собственного достоинства?

– Да, именно. Знаешь, Айрин... – Лив медлит.

– Что?

– Просто представь, что из всей этой чокнутой истории что-нибудь на самом деле получится, и я сейчас не о Джошуа Хейсе... иногда ты выглядишь... грустной.

– Потому что перерабатываю.

– Но в такие моменты вид у тебя не такой, будто ты переработала, а будто тебе одиноко, – уточняет Лив. – Ведь каждому нужен человек, на которого можно положиться. Порой мне кажется, что ты сама для многих стала этой опорой, но никто не стал ею для тебя.

* * *

Знаю, что подруга старалась достигнуть противоположной цели, но в результате наш разговор приводит к тому, что я окончательно отбрасываю это совершенно безумное предложение. Одно дело ввязаться в спор с Джошем, рассчитывая на парочку весело проведенных часов, но совсем другое – внезапно поймать себя на желании, чтобы у него получилось. Настолько я еще не отчаялась.

Я почти в ярости на них обоих: и на Джоша, и на Лив, потому что целый день ощущаю странное беспокойство. Обычно такое со мной происходит только посреди ночи, а не ко-

гда я вечером стою перед мешками с бельем и завязываю последний из них.

Внезапно сверху доносится стон, вследствие чего я снова вспоминаю про беруши. Лучше занести их маме прямо сейчас. Все воскресенье Уиллоу и Шейн не показывались, но вернулись чуть больше получаса назад.

По крайней мере Джоша и миссис О'Брайен нет. Кстати, пожилая леди в середине дня возвращалась с прогулки по горной тропе неподалеку, лишь чтобы переобуться и сразу же уехать куда-то на машине. Она собиралась взглянуть на Кахергалл – круглый каменный форт вблизи Кэрсивина, – а потом где-нибудь поест. Я как раз успела отдать ей новые батарейки, прежде чем она снова исчезла.

Отыскав беруши в ящике между спичками, квитанциями и полотенцами для посуды, слышу со второго этажа мамин голос, и на этот раз он выкрикивает не мое имя.

Уже в следующий миг я несусь через прихожую и вверх по лестнице. О боже. Ушам своим не верю. Именно этого я опасалась много недель, даже если где-то в глубине души не верила, что все в действительности зайдет так далеко.

Моя мать стоит перед комнатой влюбленной парочки, Шейн застыл в дверном проеме, из одежды на нем только полотенце, обернутое вокруг бедер. Своим телом он заслоняет перепуганную Уиллоу, которая, завернувшись в покрывало, выглядывает из-за его спины. В его глазах полыхает с трудом подавляемый гнев. Однако это ничто по сравнению с мамой,

которая с перекошенным от злости лицом мечет взглядом молнии.

– Естественно, меня это касается, молодой человек! Если вы и ваша подруга не в состоянии соблюдать тишину в отведенное для этого время...

– Мам!

Три головы оборачиваются в мою сторону. На маме надет банный халат, она некрепко его завязала, и между полами виднеется ткань застиранной светло-зеленой ночной рубашки.

– Прошу прощения! Мне очень жаль, – обращаюсь я к Шейну, и в ответ на это мама снова начинает причитать:

– Ты извиняешься, Айрин? За то, что некоторые своими стонами и криками не дают спать нормальным людям? Да это же ни в какие...

– Замолчи, пожалуйста! – ору я, перекрикивая мать, которая обиженно поджимает губы, разворачивается на пятках и короткими шагами топает к своей двери. Там она еще раз оглядывается.

– Это мой дом, Айрин. На случай, если ты забыла!

С оглушительным хлопком ее дверь закрывается.

О господи. Как она могла... как она только могла...? Я в отчаянии смотрю на Шейна и Уиллоу.

– Я ужасно извиняюсь, надеюсь...

– Это ваша мать?

– Это абсолютно не важно, Шейн. – Уиллоу плотнее кута-

ется в покрывало. – Давай... давай просто соберем вещи. – Девушка очень бледна, нижняя губа подрагивает, пока она скованно мне улыбается. – Мне жаль, что мы так... так громко, я совсем об этом не задумывалась...

– Это самая обыкновенная наглость, – цедит Шейн. – И да, по-моему, собрать вещи – очень хорошая идея!

Он проходит мимо подружки в глубь номера и яростно срывает с себя полотенце. Я поспешно перевожу взгляд на лицо Уиллоу, чтобы не видеть его обнаженную пятую точку.

– Мне правда очень жаль, – повторяет она, – но мы хотели бы съехать. Ты же понимаешь... ну, Шейну уже не будет здесь комфортно, и мне, честно говоря, тоже. Думаю, завтра рано утром мы уедем.

– Нет-нет, разумеется, я понимаю. Не извиняйся, это я сожалею, все это было совершенно неприемлемо, и я поговорю с матерью, и... конечно же, вам не нужно оплачивать будущую ночь и прошлую.

Уиллоу на мгновение кладет руку мне на плечо.

– Спасибо, – просто говорит она, и по румянцу, который ползет вверх по ее шее, я понимаю, что шок постепенно сменяется неловкостью. Затем она закрывает дверь.

Пару секунд я так и стою с опущенной головой, стараясь успокоиться. Неужели мама на самом деле это сделала. Вытираю рукавом выступившие на глазах слезы. Зачем она так поступает? С тех пор как я обслуживаю маяк, финансовое положение у нас улучшилось, но это нелегко. Утренний отъ-

езд Уиллоу и Шейна будет означать недельный убыток от номера, и я даже боюсь себе представить, какой отзыв они оставят на сайте бронирования.

Мама годами управляла «Морскими ветрами», она ведь должна понимать... Больше всего мне хочется немедленно вломиться в ее комнату, но прямо сейчас однозначно неподходящее время. Прежде мне нужно постараться взять себя в руки, чтобы не убить ее на месте.

На следующий день мама не появляется за завтраком. Подозреваю, что ей неудобно за вчерашнее поведение, и она, вероятно, избегает лишней раз пересекаться с Уиллоу и Шейном. Могла бы и не переживать на этот счет, поскольку они уносят свои вещи в машину еще до восьми утра.

Прощание выходит крайне неловким. Шейн едва смотрит на меня, лишь Уиллоу улыбается, но от моего предложения позавтракать в «Морских ветрах» все-таки отказывается. Наблюдая, как отъезжает их автомобиль, я ощущаю себя подавленной, растерянной и невероятно расстроенной.

Вскоре после этого делаю все от меня зависящее, чтобы миссис О'Брайен не сообразила, что настроение у меня ниже плинтуса. С Джошем часом позже разыгрываю тот же спектакль. И когда он наконец поднимается, чтобы покинуть столовую, издаю вздох облегчения. Слава богу, можно сбросить маску.

Стоило убрать с четырех столиков и начать отмывать сковородки, покашливание за спиной заставляет меня подпрыгнуть.

– Все в порядке?

Джош стоит, прислонившись к дверному косяку, руки в карманах брюк, и взгляд у него непривычно серьезный.

– Конечно. – Снова нацепляю на себя радостную маску,

выключаю кран и стаскиваю с рук дурацкие резиновые перчатки для мытья посуды. – А почему ты спрашиваешь?

– Ты сейчас была такая... – он быстро подергивает плечами, – ...другая, не как обычно.

Мне определенно стоит поработать над невозмутимым выражением лица.

– Просто я была... извини, кое-какие проблемы.

– Значит, со мной это никак не связано?

– С тобой? – ошарашенно отвечаю я. – С чего бы?

Уголки его губ робко подрагивают.

– Иногда я недостаточно долго думаю, прежде чем что-то сказать. Или предложить.

– Ах, ты об этом... нет. Нет, это совсем не имеет отношения к твоей дикой идее подобрать мне пару.

Энергично мотаю головой, а Джош вынимает руки из карманов.

– Хорошо. Я не хотел тебя обидеть.

– Ты не обидел, правда не обидел. Я вообще ни секунды больше об этом не вспоминала, – утверждаю, на всякий случай уставясь на сковородку в раковине. – Не беспокойся, я не особенно серьезно это восприняла.

Пробую ему улыбнуться, и он улыбается в ответ. Потом отталкивается от стены, пересекает кухню и направляется в мою сторону, пока не останавливается всего в полуметре от меня.

Мне бы хотелось знать, как выглядит темная синева его

глаз на ярком солнечном свете. Еще хотелось бы знать, какими окажутся на ощупь его густые волосы, если пропустить их между пальцев. И кроме того, мне бы очень хотелось знать, почему большая часть моего мозга внезапно перестала функционировать, а оставшаяся заостряет внимание лишь на том, что мужчина, который в данный момент стоит практически вплотную ко мне, буквально притягивает меня к себе.

– Я тут подумал, взгляну-ка я на сад, – произносит Джош, и его слова совершенно не сочетаются с тем, что я вроде бы читаю у него на лице.

– Ладно. – Одно-единственное слово. Неплохое начало. А теперь просто продолжай говорить и не забывай дышать. – Можешь оставить дверь на террасу открытой.

Джош отступает назад и шагает к стеклянной двери, через которую на кухонный пол падают лучи солнца и заставляют дерево сиять, как янтарь.

– Кстати, я говорил тогда абсолютно серьезно. – Он поворачивает круглую металлическую ручку. – Я многое говорю серьезно, даже если так не кажется.

Последняя улыбка, прежде чем выйти в сад, и я вижу, как он закрывает глаза, обращая лицо к солнцу.

* * *

Уже почти наступил вечер, когда я признаюсь самой се-

бе, что пора перестать откладывать столкновение с мамой. Я убралась в номере Уиллоу и Шейна, снова отметила его свободным для бронирования в интернете, сходила за покупками, прошла с пылесосом по всему дому и вымыла холодильник изнутри, что, естественно, было необходимо, но еще долго не настолько, чтобы занять первое место в моем списке приоритетов.

Следующие часы я бы в тысячу раз охотнее расслаблялась в саду, ухаживая за цветами, вместо того чтобы подниматься на второй этаж, но время сейчас самое подходящее. Миссис О'Брайен приблизительно полчаса назад ушла гулять, после чего собиралась сразу отправляться в Кэрсивин, чтобы поесть там в том же ресторане, что и вчера. Джоша тоже нет. А предстоящий разговор мне точно хочется провести без посторонних ушей.

Хотя на протяжении всего дня ни о чем другом больше думать не могла, я до сих пор не решила, с чего начать. Стучусь в дверь маминой комнаты. Злость во мне улеглась, осталась только глухая тяжесть, своеобразная форма отчаяния, которая подпитывается безнадежностью. Достаточно лишь воскресить в памяти выражение ее лица вчера вечером, чтобы осознать, что пробиться к ней будет нелегко. Если мне вообще это удастся.

Через пару секунд стучусь второй раз, и теперь доносится грубое: «Да», причем с такой громкостью, что становится ясно: мой первый стук мама вряд ли не услышала.

Как обычно, она восседает, как на троне, в своем кресле и сегодня даже не поднимает взгляд, когда я переступаю порог.

– Нам надо поговорить, – с ходу начинаю я, садясь в изножье ее кровати. Выжидательно смотрю на ее опущенную голову, однако, когда раздается шелест страниц журнала, который она листает, делаю глубокий вдох и выдох.

– Тебе не идет на пользу целыми днями торчать в комнате. Ты себя хоронишь и меняешься из-за этого. Вчера вечером с постояльцами ты говорила совершенно неподобающим тоном и сама прекрасно это понимаешь. Между прочим, сегодня утром они съехали, если вдруг ты не заметила. На обе ночи, которые они здесь провели, я не выставила им счет.

Жду реакции, однако она заключается лишь в том, что мама принимает целиком сосредоточенный на журнале вид и перелистывает следующую страницу.

– Ты управляла «Морскими ветрами» десятки лет, у тебя были куда более проблемные постояльцы, чем эти двое. Всего-навсего милая, по уши влюбленная парочка, которая наслаждалась друг другом. Чем они тебе помешали?

Тишина в помещении становится давящей, во мне снова медленно разгорается гнев.

– Хватит меня игнорировать! Мы потеряли прибыль за целую неделю, за такой короткий срок номер определенно никто не снимет. Я тут изворачиваюсь ради каждого цента, а ты своим поведением чинишь мне препятствия!

Так как она до сих пор не сводит взгляда с журнала, я про-

должаю, стараясь контролировать себя.

– Дальше так продолжаться не может, понимаешь? Я понимаю, что тебе плохо, но ты все равно должна прекратить изводить гостей, иначе...

– Иначе? – Мама высоко задирает голову. – Иначе что, Айрин? Иначе ты вышвырнешь меня из собственного дома? Вот уж нет! – Я шокированно таращусь на нее. У меня на языке крутится другое, но я даже не пытаюсь ей ничего доказать, ведь впечатление такое, что прорвало плотину. – Я продам «Морские ветры», прежде чем меня выгонят отсюда, – визжит мать. – Этот дом принадлежит мне, я могу делать тут все, что захочу. И если я жалуюсь, что из другой комнаты доносятся такие звуки, будто кто-то запер кошку в холодильнике, то имею на это полное право!

– Послушай...

– Нет, это ты меня послушай, Айрин! – Она обеими руками обхватывает подлокотники кресла, журнал падает на пол, у нее изо рта вылетает капля слюны, настолько яростно мама выплевывает слова. – Ни за что я не позволю собственным дочерям меня тиранить!

– Никто не собирается тебя тиранить, но...

– Установи внутренние правила! Когда я в свое время отвечала за «Морские ветры», подобного ни разу не происходило! Тогда было само собой разумеющимся соблюдать тишину в обыкновенное время отдыха и...

– Но ты больше не отвечаешь за «Морские ветры»! Теперь

это моя забота! И хватит разыгрывать из себя дряхлую старуху со второго этажа!

Мама хватается ртом воздух, у нее на щеках неожиданно вспыхивают багровые пятна.

– Так вот кто я, по-твоему, да? – произносит она дрожащим голосом.

Тут же проснувшиеся во мне угрызения совести вынуждают перейти в контратаку.

– Перестань цепляться к словам! Я этого не говорила! Но ты ведешь себя невыносимо, я каждый раз боюсь, когда ты встречаешься с гостями! Вчерашним вечером...

– Пожалуйста, уйди, Айрин, – перебивает мама. Она сидит очень прямо и смотрит мимо меня. – Ты права. Так не может продолжаться. Я чувствую себя старой. Мне не хватает покоя. Но это мой дом.

Ее дом, ее дом. Мне как никогда раньше хочется побросать шмотки в чемодан и свалить отсюда.

Но я не в силах уехать, просто не могу. Иначе кто позаботится о маяке? О постояльцах в «Морских ветрах» и подтвержденных бронированиях? А если мама осуществит угрозу, мне придется организовывать оформление закрытия, мне надо будет... если она действительно продаст «Морские ветры»...

Чувствуя, словно сдавливают грудную клетку, я встаю.

Мама опускает глаза и тяжело дышит. Потом нагибается за журналом, который выронила, и когда через миг шорох

перевернутой страницы нарушает тишину в комнате, я решаю высказаться в последний раз. Собственный голос кажется мне чужим.

– Я тебя не понимаю... до меня просто-напросто не доходит, почему ты себя так ведешь. Вот уже два года я каждую свободную секунду трачу на «Морские ветры». Я взвалила на себя то, что ты однажды бросила, и... я не виновата в том, что случилось между тобой и папой! И я не Сюзанна. Ты, черт возьми, не на том человеке срываешь свою злость!

После этого я остаюсь на месте достаточно времени, чтобы уяснить, что все, сказанное мной, просто отскакивает от слоя льда, которым мама себя покрыла. Поэтому разворачиваюсь и, уходя, громко хлопаю за собой дверью.

Не успеваю отойти и на пару шагов, как в заднем кармане джинсов вибрирует телефон. Сюзанна.

Как меня все достало.

Нервным движением сбрасываю входящий вызов и выключаю мобильник. Вообще-то сейчас мне нужно сервировать столы к завтраку на утро. Нужно проверить, не поступали ли запросы на свободный номер, нужно утешить Сюзанну и проявить понимание к матери, мне нужно...

Мне нужен воздух.

* * *

Моя цель – «Брейди», однако, когда я дохожу до прибреж-

ной улицы, вспоминаю, что сегодня понедельник и паб закрыт.

Недолго думая, перелезаю через широкую каменную стену, отделяющую Каслданнс от моря, и шагаю вниз по камням и торчащей из песка траве до самой воды, где сворачиваю направо, в противоположном направлении от гавани. Бухта в Каслданнсе окружена высокими крутыми скалами, но можно довольно долго идти по пляжу, пока он в итоге не закончится.

Небо уже какое-то время назад приобрело нежный сиреневый оттенок, а теперь и солнце превратилось в ярко горящий диск посередине красной полосы облаков, которая растягивается вдоль линии горизонта. Небольшие облачка озарены оранжевым сиянием на фоне окрашивающегося в ночную синеву неба. Я останавливаюсь, обняв себя руками, чтобы посмотреть, как бесконечное море сантиметр за сантиметром поглощает солнце. Его свет придает песку под моими ногами красноватый оттенок, пока наступающие серые сумерки не начинают скрадывать цвета. После того как солнечные лучи мерцают в последний раз, я наконец иду обратно.

Я больше не злюсь, но на душе остается какая-то тяжесть, чувствую себя подавленной. Однако, несмотря ни на что, я широкими шагами спешу по пляжу домой. Там, невзирая на все неприятности, все еще много дел.

Мысли продолжают крутиться вокруг маминых слов.

Больше нельзя исключать, что она на самом деле способна продать «Морские ветры». Но куда она тогда денется? И что буду делать я?

Взгляд теряется среди бледно-розовых облаков над морем, затем я сую руки в карманы и разглядываю только матово переливающиеся осколки ракушек в песке.

Бесполезно изматывать себя подобными вопросами. Об этом я задумаюсь, если все правда пойдет настолько далеко. До тех пор это всего лишь брошенные в пылу ссоры угрозы. Завтра утром будет видно, сколько из них переживет ночь.

В любом случае она нуждается в помощи. Понятия не имею, в чем та должна заключаться, по крайней мере у меня не получается вытащить мать из раковины, куда она спряталась, как рак-отшельник. Тот, который острыми как лезвия клешнями схватит за пальцы, стоит слишком к нему приблизиться.

Когда-то мама была счастливой энергичной женщиной, которая много пела и еще больше смеялась, одной из тех, кто становился сильнее, преодолевая испытания. Я еще помню, как она однажды решила вязать свитера, шарфы и шапки, потому что одна вечно повторяющаяся финансовая помеха грозила перерасти в настоящий кризис. Мы с Сюзанной часто сидели рядом с ней у камина, и пусть вязание было не хобби, а работой, эти вечера стали моими самыми любимыми детскими воспоминаниями. Мы пересказывали друг другу события дня, в какой-то момент Сюзанна начала вязать

собственный шарф, а у меня была специальная машинка, и я плела километровые шнурки. Гораздо позже я как-то спросила у мамы, что она потом делала с этими шнурками, и она ответила, что расплетала их обратно, потому что шерсть тоже стоила денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.